

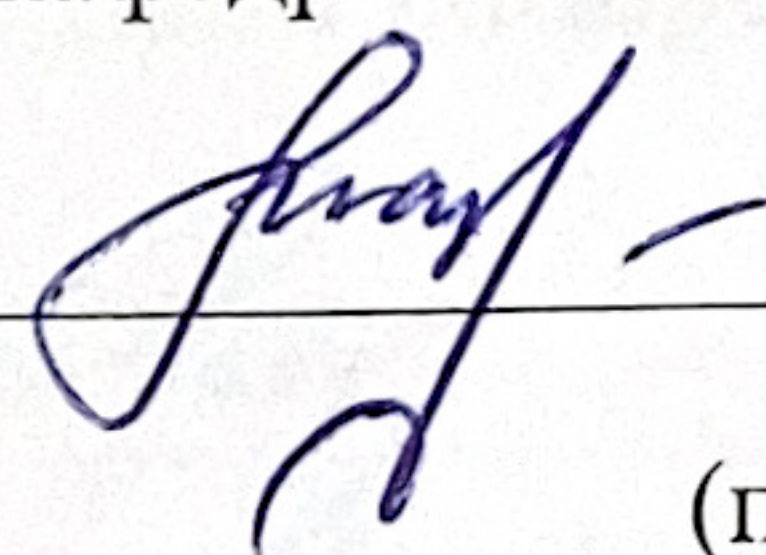
Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Уральский гуманитарный институт

Кафедра русской и зарубежной литературы

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ ПЕРЕД ГЭК

Зав. кафедрой Л. А. Назарова

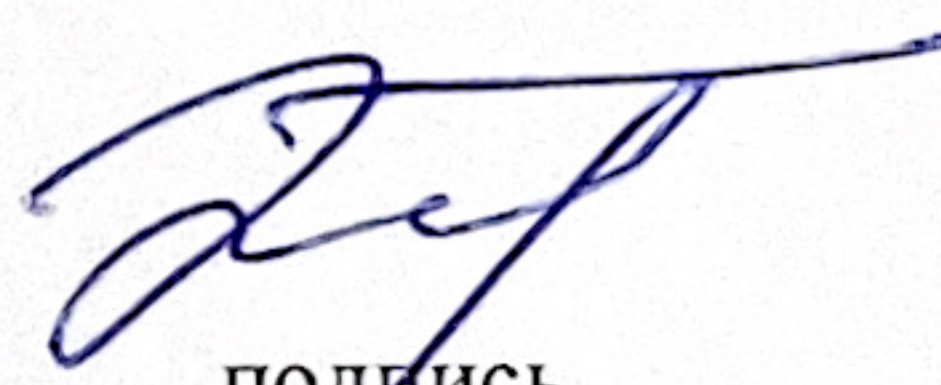

(подпись)

«7» июня 2022 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

РАССКАЗЫ О СВАДЬБАХ: КОНТЕКСТ И ГИПЕРТЕКСТ

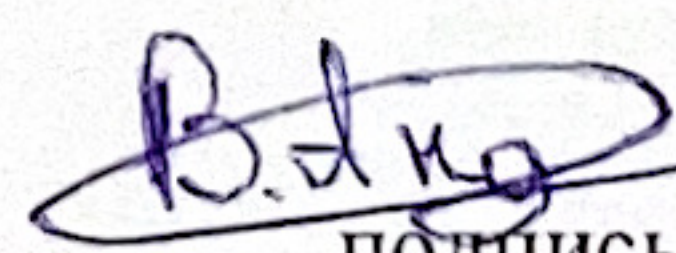
Научный руководитель: Граматчикова Н. Б.,
к.филол.н., доцент

подпись

Нормоконтролер: Качков И. А.

подпись

Студент группы УГИМ-200011
Андреева Василиса Евгеньевна

подпись

Екатеринбург
2022

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Свадебный обряд: региональное своеобразие и методы исследования	9
1.1. Свадебный обряд: структура и смысл	9
1.2. Разнообразие локальных свадебных традиций.....	18
1.2.1. К проблеме доступности сопоставительных материалов по локальным свадебным традициям.....	18
1.2.2. Уральская свадьба.....	21
1.3. Онтология брака.....	28
1.4. Материалы исследования.....	31
1.5. Методы исследования.....	36
Глава 2. Контекстуальное и гипертекстуальное устройство свадебных нарративов.....	43
2. 1. Контекст	43
2. 1. 1. Контекст семейной истории: рассказы о свадьбе.....	44
2. 1. 2. Контекст традиционной свадьбы в рефлексии рассказчиков	49
2. 1. 3. Хронотоп свадьбы в устных рассказах: «подходящее и не подходящее» время и место	55
2. 2. Гипертекст	61
2. 2. 1. Гипертекстуальность свадебных нарративов в интервью	63
2. 2. 2. Гипертекстовые «пучки»/мотивы в свадебных нарративах	65
Заключение	79
Библиография	83
Приложение №1 Опросник	97

Введение

Свадебный обряд, в частности русский, привлекает внимание фольклористов и этнографов на протяжении уже как минимум трех столетий, и, трансформируясь в соответствии с локальными традициями и веяниями моды, продолжает жить и в наши дни. Этнографы, фольклористы, филологи, музыковеды и социологи продолжают фиксировать различные формы бытования свадебной обрядности, в которой сегодня наблюдается причудливое сочетание древних обрядовых практик с современными *интернациональными* тенденциями. Следовательно, можно говорить об актуальности регулярных исследований этого обряда, к числу которых относится и наше. Такие исследования призваны изучить и зафиксировать новые формы древнего обряда, относящегося, наряду с родильно-крестильным и похоронно-поминальным, к числу важнейших обрядов перехода.

Объектом настоящей работы является современная свадебная обрядность, зафиксированная в рассказах наших современников (1960-2020-е годы). **Предмет исследования** – контекст и гипертекст в нарративах о свадьбе.

Целью работы является анализ нарративов, в которых представлен свадебный обряд, выявление контекстов их фиксации и трансляции, а также их гипертекстуального устройства.

Для выполнения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) подготовить опросник для полуструктурированных интервью;
- 2) определить круг информантов, провести с ними встречи и взять интервью;
- 3) расшифровать собранные материалы;
- 4) описать и создать предварительную классификацию (хронологическую, географическую и тематическую) «свадебных» историй студентов, собранных в рамках курсов «Устное народное творчество» и «Современный фольклор»;

- 5) провести методологическую рефлексия собранных нарративов: определить контексты фиксации и контексты, возникающие по ходу рассказа; определить специфику термина «контекст» применительно к нашей работе;
- 6) проанализировать композиционное и мотивное устройство текстов интервью, определить категорию «гипертекста» применительно к материалу интервью и семейных историй;
- 7) получить представление о том, каким образом свадебный рассказ и детали свадебной обрядности закрепляются в личной/автобиографической и семейной памяти, а также углубить понимание о состоянии современной свадебной обрядности, ее тенденциях развития.

Материалом исследования послужили глубокие тематические полуструктурированные интервью, свадебные автобиографические и биографические рассказы, заполненные анкеты о свадьбе. Всего нами было проанализировано 8 глубоких интервью, 93 автобиографических рассказа, 14 анкет. В качестве дополнительных материалов привлекались также свадебные фотографии. В ходе выполнения работы использовались записи свадебного обряда середины XIX – начала XX века, полевые материалы фольклорного архива УрФУ (кафедры русской и зарубежной литературы).

Актуальность данной работы определяется тем фактом, что, современная свадебная обрядность изучена недостаточно хорошо, а постоянное развитие свадебного обряда позволяет находить новый материал для исследования. **Новизна** работы связана со смещением фокуса внимания на контекст и гипертекст зафиксированных повествований позволяет увидеть, с какими темами переплетаются воспоминания об отдельных эпизодах / этапах свадебного обряда, каким ценностным содержанием обладают истории свадеб. В рамках данной работы исследуются нарративы о свадьбе участников обряда, а также материалы по семейной истории, где свадьба предстает как рассказ в памяти второго и третьего поколений, что

также является актуальным направлением исследования на сегодняшний день анализ нарративов позволяет увидеть «внутренние» стороны обряда, познакомиться с рефлексией информанта по поводу событий на свадьбе и своих чувств, попытаться понять и проанализировать механизмы обрядовой памяти, а также отрефлексировать заданные самим исследователем контексты.

Теоретическая база и степень изученности темы. Свадебный обряд стал активно изучаться с 70-х годов XX века. Это связано с тем, что в начале становления советской науки время не располагало к изучению свадебного обряда, в силу понятных обстоятельств; с другой стороны, это связано с тем, что свадебный обряд после разрушения только начинает формироваться.

В 1960-е годы происходит конструирование нового, советского варианта свадьбы¹, через десятилетие накопленный материал становится объектом рассмотрения в работе В. А. Руднева «Советские обычаи и обряды» [Руднев 1973]. В 1978 году в Академии Наук выходит сборник широкой фольклорно-этнографической проблематики «Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы» под редакцией К. И. Чистова и А. Н. Бернштам [Чистов, Бернштам 1978]. Статьи в нем посвящены поэтике свадебных песен, сопоставительным аспектам русской обрядовой сферы и городской свадьбе.

Исследования городского свадебного обряда в 1970-1980-х продолжает Г. В. Жирнова [Жирнова 1969; 1971; 1980], а в начале 1990-х А. К. Байбурин публикует монографию «Ритуал в традиционной культуре» [Байбурин 1993], где много внимания уделяет свадебному обряду.

Такое позднее научное «освоение» свадебного обряда в его современном понимании связано с тем, что в XX веке сам обряд находится в сложной ситуации. Интерес к взаимосвязям традиции и современности отражает статья В. П. Федоровой «Трансформация традиций русской свадьбы в

¹ Об этом подробнее см. у С. Б. Адоньевой «Советская свадьба: проект, миф и современный извод» URL: <https://www.youtube.com/watch?v=j7FGW2PaiwA>

современной свадебной обрядности. Современный русский фольклор промышленного региона» [Федорова 1989]. В 1997 году В. П. Фёдорова защитила докторскую диссертацию по локальным свадебным традициям: «Свадьба старообрядцев Южного Зауралья: Взаимосвязи поэзии и обряда» [Федорова 1997].

Обзор диссертаций, посвященных разным аспектам свадебной обрядности за последние 40 лет, показывает, что внимание исследователей всегда привлекала свадебная поэзия и драматургия. В этнографическом, по преимуществу, аспекте активно изучались свадебные традиции народов Кавказа [Смирнова 1975], финно-угорских народов [Слепцов 2011], якутов [Аббасова 1989], татар [Карпухин 1998], башкир [Чунтыжева 1999]. Ряд диссертаций посвящен бытованию русского свадебного обряда в зоне межнационального взаимодействия [Хохлачева 2014], [Болдырева 2018].

В последнее десятилетие появляются новые подходы к изучению свадебного обряда. Примечательна кандидатская диссертация Т. В. Окуневой «Удмуртская свадьба как текст» [Окунева 2012] и докторская М. Г. Матлина «Смех в русской народной свадьбе XIX — начала XXI вв.: типологический и функциональный аспекты» [Матлин 2020]. Если во второй половине XX века ученые уделяли большое внимание поэтике обряда, то сейчас фокус исследования перемещается на свадебный обряд как целостный текст, свадьба осмысливается как явление, где сопрягаются различные культурные коды.

Наиболее известными исследователями свадебного обряда сегодня являются С. Б. Адоньева (изучение семейной обрядовой памяти), Д. В. Громов (городские локусы, закрепившиеся в свадебном обряде), М. Г. Матлин (проблема смехового начала в свадьбе). С. Б. Адоньевна рассказывает о формировании современного свадебного обряда в цикле

лекций¹, анализируя влияние аксиологических установок на формирование современной обрядности. Формирование тематических фотоколлекций на основе личных фотоархивов разных лет позволяет С. Б. Адоньевой проследить, как постепенно «прорастают» и возобновляются забытые, отвергнутые элементы обрядности, включая участие сначала родителей молодых, а затем и остальных родственников.

Таким образом, современная свадьба представляет собой сложный сплав разновременных этнокультурных традиций и неизбежных для этого действия элементов импровизации. В научной среде происходит смещение исследовательского фокуса, что выражается в переосмыслении накопленного материала, как в отношении локальных традиций, так и всего обрядового комплекса.

Методологически наше исследование опирается на сравнительно-типологический метод, герменевтический метод, метод качественного анализа интервью и методы нарратологии.

Структура работы. Представленная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

В первой главе рассматривается традиционный свадебный обряд, освещается проблема разделения свадебной традиции на деревенскую и городскую, обосновывается необходимость и актуальность метода качественного анализа интервью, даются общие положения исследования автобиографических рассказов. Приведено подробное описание источниковой базы, включая полевой материал.

Во второй главе рассматриваются контексты и гипертексты свадебных историй. Дается собственное понимание использованных нами терминов: контекст и гипертекст. Среди контекстов нами выделяются контекст семейной истории, традиционный контекст свадебного обряда, а также

1 см. Адоньева С.Б. Русская свадьба: социальный проект и новые ценности URL: <https://youtu.be/K7MLv-jWmiY>

рефлексия относительно места и времени (хронотопа) свадьбы. Далее мы выделяем два типа гипертекста: интервью как гипертекст и гипертекстовые «пучки»/мотивы. Таким образом, нами предпринимается попытка комплексного анализа свадебных нарративов.

В приложении можно ознакомиться с разработанным нами опросником, на который мы опирались, когда проводили интервью.

Апробация. В ходе написания работы было сделано 12 докладов на конференциях разного уровня и опубликовано 8 статей [Касимова 2020a, 2020b, 2021a, 2021b, 2022].

Глава 1. Свадебный обряд: региональное своеобразие и методы исследования

1.1. Свадебный обряд: структура и смысл

Свадебный обряд относится к числу наиболее важных обрядов перехода, наряду с родильно-крестильным и похоронно-поминальным. Структурой обрядов перехода занимались такие ученые, как А. Геннеп, Т. А. Бернштам, А. К. Байбурин, В. А. Руднев. А. Геннеп отмечает: «Обряды отделения имеют отношение главным образом к этому реальному переходу – перемене места жительства» [Геннеп 1999, 108]. Традиционный свадебный обряд соединяет в себе черты публичного и даже театрализованного действия, сакрального явления с его религиозно-магической стороной и юридически-бытового акта. Сокращаясь до «семейного праздника», свадебный обряд сохраняет достаточно сложную структуру, так как объединяет две семьи, две системы ценностей, два гендера и два (или более) поколения.

Гендерное устройство свадьбы несимметрично. Несмотря на то, что оба молодых участника меняют свой социальный статус, входя в группу «семейных», именно превращение девушки-невесты в жену-хозяйку и будущую мать было символическим и драматургическим стержнем этого обряда в традиционной русской культуре. Девушка во время обряда пассивна: её омывают, одевают, она же активности не проявляет. Невеста считается существом опасным, так как, утрачивая свой прежний статус после помолвки, она приобретает новый статус после свадьбы, а между этими двумя положениями находится в лиминальном, переходном состоянии. Жених более активен, к нему не применяются очистительные обряды, так как, он, тоже проходя своего рода инициацию, не пересекает те границы, которые пересекает невеста.

Русская традиционная и «городская» свадьба не являлись чем-то уникальным в общеевропейском пространстве. Свадебные традиции русских часто рифмуются с традициями европейских и даже азиатских культур

(особое географическое положение России, а так же тесный контакт с Европой на западе и Азией на востоке способствовали обмену традиций, в том числе тех, которые касались свадебного обряда). В связи с общностью обрядов у славян А. К. Байбури пишет: «Вступление в брак – это не только оформление семейных отношений, переход в новый статус, но и предписанный культурой способ разрешения противоречия между способностью к продолжению рода и необходимостью получения на это социальной санкции. Здесь важно подчеркнуть, что с ритуальной точки зрения физиологическая зрелость сама по себе недостаточна ни для перехода в новый статус, ни даже для продолжения рода. Такую возможность индивид приобретает только с помощью мер, направленных на преобразование как социальных, так и физиологических характеристик, в конечном счете – на создание «новых людей». У восточных славян такая направленность свадебного обряда особенно отчетливо проявляется по отношению к невесте» [Байбури 1993, 65]. Таким образом, подчеркивается важность знаков «социального одобрения», «благословения» общины, сообщества на продолжение рода, которое должно произойти именно в новом женском статусе.

Свадебный обряд можно рассматривать в диахронном и синхронном аспекте. При диахронном подходе русский свадебный обряд предстает в двух условных, хронологически разделенных «типах». Первый – «традиционная русская» свадьба, т.е. крестьянская свадьба, так ее понимают большинство ученых, что связано с преобладанием крестьянства как сословия: на 1870 год население России было на 81,5% крестьянским. Описывая структуру и особенности «традиционной свадьбы», фольклористы и этнографы говорят именно о крестьянской свадьбе, нами также она будет подробно описана, поскольку представляет «базовую обрядовую версию». Второй тип свадебного обряда – городской. О городской свадьбе (сюда входит мещанская, купеческая, дворянская свадьба) подробно писали такие

исследователи, как Г. В. Жирнова в работах «Русский городской свадебный обряд конца XIX–начала XX в.» (1969), «О современном городском свадебном обряде» (1971), «Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем» (1980), М. Г. Рабинович «Очерки этнографии русского феодального города» (1978), Ю. М. Лотман «Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII–начало XIX века)» (1994), А. В. Белова «Процедура замужества русской провинциальной дворянки конца XVIII–первой половины XIX века» (1999), «Замужество в провинциальной дворянской культуре конца XVIII–первой половины XIX века» (2000), И. Михайлова ««Какъ новобрачньи князь приедетъ с поездомъ...» Свадьба в Московской Руси XVI-XVII веков» (2014).

Городской тип населения составляют дворяне, купцы, мещане и другие жители города. На сегодняшний день жесткое противопоставление городского и деревенского населения отсутствует, поэтому, говоря о свадебном обряде, на наш взгляд, можно избежать противопоставления по «типам», хотя говоря о современной свадьбе, мы ориентируемся на свадьбу городскую, имея в виду процессы урбанизации, произошедшие в XX в. Надо оговориться, что сегодняшняя современная свадьба соединила в себе оба типа: жители деревень, переселяясь в города, привозили с собой свои традиции и, в свою очередь, заимствовали городские, «модные» традиции. Традиционный компонент в обряде (как городском, так и деревенском) всегда было непросто разделить. Так о свадьбе XIX века Ю. М. Лотман пишет: «дворянские свадьбы сохраняли определенную связь с русской традицией, однако переводили её на язык европиезированных нравов» [Лотман 1994, 112].

В XX веке свадьбе, как и другим обрядам, пришлось пережить ряд изменений. После революции 1917 года необходимость церковного брака была упразднена «Российская Республика впредь признает лишь гражданские браки» [Статья № 160. Декрет о гражданском браке, о детях и о

ведении книг актов состояния 1942, 191]. Деревня подвергается разорению (решение о коллективизации было принято на XV съезде ВКП(б) в 1927 году), что приводит к разрушению традиционной обрядности, вымыванию многих ритуальных практики из жизни людей. Уровень жизни падает, секуляризация и миграционные процессы нарастают, и свадебная обрядность на несколько десятилетий «уходит в тень»; ее локальные разновидности сохраняют обрядовый комплекс в разной степени. Свадебные обряды оказываются на грани выживания, поскольку связь поколений претерпевает разрывы, одобряемые и иницируемые государством. Д. Громов отмечает, что в 1920–1930 годы свадебная обрядность сокращается до минимума и начинает развиваться вновь только после войны [Громов 2012]. С. Б. Адоньева в проекте «Русская свадьба: социальный проект и новые ценности» на материале личных фотоархивов разных лет показывает, как постепенно «прорастают» и возобновляются забытые, отвергнутые элементы обрядности, включая участие сначала родителей молодых, потом остальных родственников. При этом на фотографиях информантов хорошо видна разница между поколениями: нарядные молодые друзья брачующихся и почти по-деревенски одетые родители и бабушки. С. Б. Адоньева говорит: «В свадьбе проявляются те сценарии, которые проговариваются или ожидаются обществом, когда человек... женится или выходит замуж» [Адоньева 2015]. Известный фольклорист В. П. Федорова в статье «Трансформация традиций русской свадьбы в современной свадебной обрядности» указывала на то, что содержательность традиций сохраняется чаще всего в тех элементах, которые отражают незыблемые национальные или общечеловеческие законы нравственности [Федорова 1989, 80].

Наш материал показывает, что какие-то части свадебного обряда выпадают полностью (сватовство, баня, прощание с красотой), а какие-то, казалось бы, вопреки всему, остаются (выкуп невесты, испытание молодых). Конечно, нужно учитывать, что в условиях современной городской жизни

трудно, а иногда невозможно сохранить некоторые элементы. Наше исследование – одна из попыток *понять механизм избирательности этой «обрядовой памяти», вписанной в контекст личной и семейной истории* (наших информантов).

К числу первых фиксаций «городского» свадебного обряда можно отнести тот, что мы находим в «Чине свадебном» – древнерусском памятнике XVI века. В. В. Колесов отмечает: «По содержанию «Чин» близок к «Домострою», но в текст «Домостроя» «Чин» не включался, хотя списки «Чина» обычно сопровождают списки «Домостроя»» [Колесов 2000, 216]. В «Чине» присутствует подробное описание драматургии обряда: прописана каждая реплика участников свадьбы. Трудно сказать наверняка, был ли «Чин» сводом указаний, или набором рекомендаций. Скорее всего, он являлся неким желаемым сценарием обряда, который мог меняться в зависимости от локальных традиций. Также мы имеем описание царской свадьбы в сочинении «О России в царствование Алексея Михайловича» Г. К. Котошихина (1650-е годы). Г. К. Котошихин дает описание царской свадьбы, которое по-своему любопытно, но обладает рядом специфических черт: в связи со статусом церемонии в ней много театрализованных элементов, которые не встречаются в других случаях [Котошихин 1906, 222].

Традиционный свадебный обряд начинает собираться и фиксироваться учеными – фольклористами и этнографами с XVIII века – время освоения просторов Сибири.

В этнографическом плане это пространство осваивается, в немалой степени, благодаря составленным Г. Ф. Миллером инструкциям. Стоит сказать, что прежде анкеты Миллера свой опросник разработал В. Н. Татищев; первая редакция его опросника появилась в 1734 г. «По прибытии на Урал в октябре 1734 г. он [Татищев – В.А.] рассылает во все города края анкету с 92 вопросами исторического, географического и этнографического содержания, которые должны были уточнить картографию мест, прежде

всего для определения природных ресурсов региона в целях расширения заводского строительства и составления карт региона. Спустя три года, в 1737 году, В. Н. Татищев представляет «Предложение о сочинении истории и географии», в котором он расширяет необходимые ему знания до 198 вопросов» [Новиков 2018, 108]. Текст анкет Татищева не сохранился, но есть его научная реконструкция¹; возможно, Миллер был знаком с опросником Татищева.

Относительно инструкций Миллера Хан Ф. Фермойлен пишет: «Перед началом поездки Миллер составил инструкцию из десяти пунктов, касающуюся его собственного участия в экспедиции», также она была предназначена для участников «академического отряда» [Фермойлен 2008, 185]. Эта инструкция (своего рода опросник) получила название «О истории народов России». Один из пунктов гласил: «Должно примечать обычаи и обряды народные, домашние и брачные и пр.» [Бахрушин 1999, 600]. Благодаря материалам, которые были собраны в ходе этой и последующих экспедиций, мы имеем описание свадебного обряда разных народов России, в том числе русских.

Г. Ф. Миллер ориентировался на методы сбора материала, принятые в европейской науке того времени. Разработанная им программа опроса предполагает детализированную фиксацию принятых населением брачных практик; позиции опросника Миллера предполагают возможные модусы свадебных отношений, где брак — один из легитимных способов оформления отношений. Таким образом, Миллер задает очень широкий взгляд на место свадебного обряда в жизни народа.

В трудах XVIII века вообще присутствует широта академического восприятия. Из «Описания сибирских народов» Миллера понятно, что

¹Историкогеографическая анкета В. Н. Татищева // Советские архивы, 1985, № 5 – С. 38-41.

свадьба является узловым пунктом важнейших отношений между людьми¹. В основном, внимание Г. Ф. Миллера было направлено на народы, населяющие Российскую империю, русские не попадали в его исследовательский фокус. Однако пристальный взгляд на обряды «инородцев» позволяет расширить контекст фиксации свадебной обрядности.

С появлением анкеты Императорского русского географического общества, к середине XIX, записи о свадебных обрядах разных районов Российской Империи становятся частотнее. «Научный архив Русского географического общества» – старейший и единственный в стране специально географический архив. Его формирование началось одновременно с основанием Русского географического общества (1845 г.). Наибольшее количество поступлений рукописей было связано с ответами на программы и анкеты Общества. Эти программы охватывали широкий круг вопросов, связанных с изучением географической среды, экономики районов и этнографии населения. Так, в 1847 году Обществом была разослана программа для составления местных этнографических описаний в количестве более чем 7000 экземпляров. Программа включала 6 разделов: 1) относительно наружности; 2) о языке; 3) о домашнем быте; 4) об особенностях общественного быта; 5) об умственных и нравственных способностях и образовании; 6) о народных преданиях и памятниках» [URL : <https://www.rgo.ru/ru/arhiv>]. Итак, через столетие после опросников Татищева и Миллера, обрядовое разнообразие предлагается к описанию и у русских. Особенностью этого периода фиксации свадебного обряда является то, что сведения в эти анкеты вносили респонденты ИРГО, хорошо знающие местные обычаи и уклад. Можно рассмотреть этот проект ИРГО в числе первых, обнаруживших мощный ресурс добровольной вовлеченности в дело

1См. О браке // Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов / Изд. А.Х. Элерт, В. Хинтцше / Пер. с нем. А.Х. Элерт. М.: Памятники исторической мысли, 2009. – 456 с. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов: VIII, 1)

изучения своей страны. Несмотря на то, что за вторую половину XIX века было собрано достаточное количество материала, его научное осмысление пришлось на последние десятилетия XIX века, когда описания свадебного обряда востребованы как иллюстрация положений складывающихся научных школ фольклористики.

Так, в XIX веке формируется традиция осмысления свадебного обряда в контексте возможной на тот момент реконструкции мифологической картины мира древних славян и их «основного мифа». Мы находим такую проработку обряда в трудах А. Н. Афанасьева. Его внимание занимает не столько сам свадебный обряд и его анализ, сколько черты славянской мифологической картины мира, которая, по мнению Афанасьева, сохранилась в обряде. Сегодня мы знаем, что свадебный обряд, безусловно, имеет несколько разновременных напластований, однако вопрос об их древности однозначно не решен.

А. Н. Афанасьев в «Поэтических воззрениях славян на природу» (1865) вплетает описание свадебного обряда в канву повествования о мифологических представлениях славян. Элементы обряда приводятся в качестве подтверждений авторских выводов и суждений: «Дневное движение солнца играло весьма важную роль в древнейших верованиях, отголосок которых замечаем в доселе уцелевшем пристрастии раскольников к церковным выходам (с Евангелием и дарами) посолонь и в некоторых народных обычаях и приметах. На свадьбах жених и невеста, их родичи и гости выходят из-за стола «по солнцу»; купленную скотину покупатель трижды обводит около столба «по солнцу», чтобы она пришла к нему на счастье; гадая о чем-нибудь, поднимают на пальцах ржаной хлеб и смотрят: в какую сторону станет он вертеться? если «по солнцу» – задуманное сбудется, и нет – если «против солнца». Солнечным движением определились страны света: а) восток (области, веток, сток) от глагола теку – иногда заменяется словами всход и солновосход, из которых последнее означает также «утро»»

[Афанасьев 2018, 350]. Стоит сказать, что теория А. Н. Афанасьева не раз критиковалась за вольность интерпретаций: «Афанасьев не столько реконструировал древнюю мифологию, сколько завершал её строительство, прерванное введением христианства. Создавая величественную картину славянских языческих верований, Афанасьев выступает не столько как исследователь, но и как сотворец, продолжатель мифологического процесса» [Топорков 1997, 154].

Стоит сказать, что большим вкладом в изучение не только свадебной обрядности, но нравов и быта крестьян стало «Этнографическое бюро» князя В. Н. Тенишева, заинтересованного в сборе и изучении этнографического материала и основавшего для этой цели упомянутое научно-исследовательское учреждение. Программа, посвященная изучению «крестьянской» жизни была довольно успешно реализована в «Этнографическом бюро» с помощью сети «внештатных» корреспондентов, такой подход можно считать новаторским для своего времени. Благодаря ему, было собрано большое количество материала, который изучался и изучается до сих пор¹.

В XX веке главными исследователями собранных материалов были Н. Ф. Сумцов, Ф. К. Волков и Д. К. Зеленин. Именно Д. К. Зеленин одним из первых указывает на некоторые своеобразные черты русского свадебного обряда, отмечая, что в свадебном обряде можно выделить три наслаивающихся друг на друга пласта. Древнейший из них восходит к эпохе экзогамии, к языческим временам умыкания и покупки невесты. Пережитки этой эпохи в изобилии прослеживаются в свадебном ритуале всех южных славян. Второй пласт Зеленин связывает с влиянием византийских обрядов: главным образом в моментах, имеющих религиозно-мистический характер. Третий пласт – освоение русскими заимствованных обрядов. Важно сказать,

¹ См. книгу «Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева», 2004 г.

что некоторые части обряда позднее приобрели развлекательный оттенок. Так, например, Зеленин указывает: «Даже свадебный каравай кое-где также приобрел <...> развлекательный оттенок [Зеленин 1991, 333]. Д. К. Зеленин первый составляет опись имеющихся записей свадебных обрядов (1914-1916 года).

Изменения идеологии и иерархии ценностей в стране в советское время внесли определенные коррективы и в научное пространство. В силу идеологизации в исследованиях свадебного обряда появились умолчания и «слепые места», связанные в первую очередь с ценностными аспектами обряда. Вообще первые десятилетия Советской власти не располагали к изучению обряда, который в эти годы переживает большие трансформации, особенно в городской индустриальной среде.

1.2. Разнообразие локальных свадебных традиций.

1.2.1. К проблеме доступности сопоставительных материалов по локальным свадебным традициям

Неоценимым подспорьем в разного рода кросс-культурных исследованиях служат электронные архивы. Благодаря электронным архивам можно выстраивать необходимый исследовательский контекст. Не ставя перед собой задачу описать все доступные офлайн фольклорные архивы Российской Федерации, проведем обзор доступных электронных ресурсов — коллекций по фиксации текстов свадебной обрядности и оценим степень их наполненности и удобства обращения с материалами.

На сегодняшний день в интернете есть несколько электронных фольклорных архивов.

Фольклорный архив БашГУ (Башкирский государственный университет), судя по описанию с сайта университета должен работать и пополняться новыми материалами, однако сайт архива — <http://lcph.bashedu.ru/> не работает.

Часть Фольклорного архива Санкт-Петербургского государственного университета представлена на сайте <http://www.folk.ru/>. Представленная на сайте коллекция отражает фольклорную традицию только одного из регионов центральной части Северо-Запада России – Белозерского края. В архиве имеются свадебные песни: величание жениху, благословение молодых, свадебный причет, сиротский причет. К некоторым имеется видео-запись песен.

Фольклорный архив Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (<http://www.unn.ru/folklore/finfru.htm>) функционирует не полностью. Из восьми разделов («мир детства», «религиозный фольклор», «мифологическая проза», «сказки, предания обряды», «песни», «частушки», «малые жанры») лишь два («мир детства» и «религиозный фольклор») заполнены. Раздел со свадебной обрядностью находится «в разработке». Поиск по ключевым словам и жанрам отсутствует.

Фольклорный архив Института ЯЛИ КарНЦ РАН (Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук) (<http://folk.krc.karelia.ru/>) имеет рукописную коллекцию по разделам: русский фольклор, карельский фольклор, вепсский фольклор, ингерманландский, ижорский фольклор, саамский фольклор. Каждый раздел, за исключением саамского, содержит причитания, песни, былички, сказки и пр. В разделе «русский фольклор» материалы, посвященные обрядности, отсутствуют. Представлена пополняющаяся звуковая коллекция и фонограммархив (72 записи).

База данных «Полесский архив» Отдела этнолингвистики и фольклора института славяноведения Российской академии наук разработана очень грамотно. Программа ориентирована на этнолингвистические сведения о культурно-языковой традиции Полесья и включает разделы: «Семейная обрядность», «Календарная обрядность», «Обряды хозяйственного цикла», «Представления о природе» [URL: <https://inslav.ru/publication/baza-dannyh->

polesskiy-arhiv-otdela-etnolingvistiki-i-folklor]. Блок «Свадьбы» первый среди раздела «Семейной обрядности». В отношении свадебной церемонии информантам задавались вопросы: «Как называлась предбрачная церемония в доме невесты, т.е. один или несколько дней перед собственно свадьбой, накануне или незадолго до дня приезда жениха за невестой и окончательным переездом ее к жениху (венки, девочкие запоины, девич-вечер, коровой и т.д.)?» По порядковому номеру вопроса можно найти карточки с ответами на него, однако для полноценной работы фольклористов представленный лингвистический материал недостаточен.

В Полесской базе работает поиск по ключевым словам, а также времени и месту сбора материала. Жанры привязаны к ключевым словам, и не могут быть заданы как самостоятельный поисковый фильтр.

Фольклорный архив Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики») (https://folklore.linghub.ru/?fbclid=IwAR2q_rn_bHj-QKFDRIrWW-3vQqlJL-wxalKp0lXkGNB6jW8dSgQwOIwwZFY) включает в себя материалы двух экспедиций, организованных школой лингвистики и школой филологических наук, работавших независимо друг от друга. В основу полевой работы экспедиции Школы филологических наук в белорусско-русском пограничье положено интервьюирование 20% жителей сел по 27 программам-опросникам (они представлены на сайте), отражающим разнообразные стороны традиционной крестьянской культуры, в том числе по свадебной обрядности. С технической стороны сайт полностью рабочий: есть поиск по ключевым словам, жанрам, региону. Стоит отметить, что география у данного архива шире, чем у базы данных Полесского района: Брянская, Ивановская, Псковская, Тверская области.

Опросники ВШЭ были сфокусированы на сборе материала традиционной, а не современной свадебной обрядности. На сайте нет цельного описания обряда, ответы информантов носят разрозненный

характер: «[Перед свадьбой устраивали посиделки девушки?] Устраивали, ну не все. [У вас было?] Да не, у нас этого, я ж говорю, старше, старше нас кто быў, а уже у наше время уже ничего этого не было. [А как эти посиделки назывались?] Змовины называ... [Соб.: Расскажите, как они устраивались.] Ну, устраивались, деўки собирались одны деўки и уже як бы прощальный вечер такой, гуляли, пели, танцевали» [ФА ВШЭ 85 URL : <https://folklore.linghub.ru/text/85>].

Онлайн архив в этом случае включает свадебные песни, рассказы о свадьбе, частушки на свадебную тему, приметы, связанные со свадьбой. Из всех просмотренных нами имеющихся архивов этот наиболее полный и удобный для работы.

Таким образом, сопоставительные материалы по свадебным обрядам в цифровом виде можно найти лишь в двух архивах: фольклорном архиве факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ и базе данных Полесского архива. Это означает, что на сегодняшний день письменные коллекции фольклорных архивов на несколько порядков богаче, чем их цифровые аналоги, и реальные сопоставительные исследования разнообразных локальных свадебных традиций через онлайн ресурсы практически нереализуемы.

1.2.2. Уральская свадьба

Традиционная русская культура была неоднородна и имела массу локально-региональных вариантов. В случае с традиционной свадьбой это выразилось в двух основных ее типах: южном и северном. Типами свадебного обряда занимались такие ученые, как А. А. Потебня «О мифическом значении некоторых поверий и обрядов» (1865), Д. К. Зеленин «Восточнославянская этнография» (1927), К. В. Чистов «Русский народный свадебный обряд» (1978), Н. Ф. Сумцов «Символика славянских обрядов»

(1996); в целом, свадебный обряд фиксировался этнографами и фольклористами регулярно, начиная с XIX века.

Д. К. Зеленин в своей работе «Восточнославянская этнография» указывает на некоторые своеобразные черты русского свадебного обряда. Так, у южных славян на второй день свадьбы происходит традиционное омовение новобрачной в реке [Зеленин 1991, 339]. У русских омовение также происходит накануне свадьбы и в бане, что объясняется более суровым климатом. У русских более выражен магически-охранный элемент в свадьбе (обязательное присутствие колдуна или дружки, выполняющего функции колдуна), тогда как у южных славян большое значение предается свадебному хлебу (караваю), с которым были связаны целые части обряда.

Д. К. Зеленин отмечает, что в свадебном обряде можно выделить три пласта, которые наслаиваются друг на друга. Древнейший из них восходит к эпохе экзогамии, к языческим временам умыкания и покупки невесты. Пережитки этой эпохи в изобилии прослеживаются в свадебном ритуале всех южных славян. Позднее, вероятно, уже после принятия христианства, стало сказываться влияние византийских обрядов: главным образом в моментах, имеющих религиозно-мистический характер, часть из которых приобрела развлекательный оттенок (Зеленин пишет: «Даже свадебный каравай кое-где также приобрел <...> развлекательный оттенок [Зеленин 1991, 333]). Второй пласт – религиозные ритуалы. С полукомической игрой, переосмыслением традиций Зеленин связывает третий пласт – развлекательность. Вариативные различия и многообразие, свойственные русскому, особенно северно-русскому, свадебному обряду Зеленин связывает с тесным переплетением этих трех пластов [Зеленин 1991 : 332–333].

Возможность расширения контекста фиксации локальных традиций предоставляет Центр культуры народов Среднего Урала, обработанные материалы которого по свадьбе хранятся в Свердловской областной универсальной научной библиотеке имени В. Г. Белинского.

Поскольку обряд всегда существует в локальной своей разновидности, рассмотрим, что представляют собой материалы фольклорного архива УрФУ, касающиеся по свадебной обрядности.

Фольклорный архив УрФУ представляет полевые материалы студенческих экспедиций, которые проводились с начала 1960-х по 2010-е годы под руководством преподавателей кафедры фольклора В. В. Кругляшовой, В. В. Блажеса, Т. Н. Якунцевой, Л. С. Соболевой, В. А. Липатова и др. в различных населенных пунктах Урала, не ограничиваясь Свердловской областью.

В результате в архиве представлена довольно большая коллекция материалов по свадьбе, еще не описанная целиком и досконально. К коллекции относятся записи непосредственно свадебного обряда, свадебные песни (в большом количестве), приметы, связанные со свадьбой, а также свадебные нарративы (анкеты, автобиографические рассказы о свадьбе и глубокие полуструктурированные интервью, собранные нами в ходе написания бакалаврской и магистерской выпускной работы (2016-2022 гг)). Часть материала (использованного при написании диплома) описана и оцифрована, часть (преимущественно полевые материалы) требует описания и оцифровки. Более подробно о материале см. в соответствующем разделе 1.4.

В сегодняшней фольклористике актуальны исследования, учитывающие региональную специфику. В этом отношении уральский регион представляет богатейшие возможности, поскольку населен народами разных языковых семей: славянскими, тюркскими, угорскими. В месте контакта и пересечения культурных традиций ожидаемо происходит трансформация привычных форм обрядности. Ассимилятивные процессы уже привлекали внимание исследователей, но очень выборочно, поскольку погружение в локальный контекст требует большой полевой работы¹.

¹См. Например, Моисеева С. А. Традиционный обрядовый фольклор русских горнозаводских сел Башкирии ... кандидата филологических наук: 10.01.09. — Екатеринбург, 2006. — 270 с.

Исследованию своеобразия уральской свадьбы посвящены два десятка работ 1980-1990-х гг., среди которых И. Р. Липовецкая «Своеобразие русской уральской свадьбы конца XIX начала XX века» (1982), определяющая связь уральской свадьбы с северным типом обряда. В. А. Липатов «Драматургия свадебной игры (по записям П. А. Шилкова в Билимбаевском заводе)» (1982); Т. И. Калужникова, В. А. Липатов «Драматургия свадебного действия в пос. Билимбай Свердловской области (по записям 1973 года)» разбирают сюжет свадебного действия и драматический стержень свадебного обряда.

Известным специалистом по свадебной обрядности Зауралья является В. П. Фёдорова, посвятившая поэтике свадьбы и ее бытованию в 1980-е годы несколько монографий: «Уроки старинной русской свадьбы» (1987), «Свадьба на Ирюме» (1991), «Свадьба старообрядцев Южного Зауралья (Взаимосвязи поэзии и обряда)» (1997), «Свадьба в системе календарных и семейных обычаев старообрядцев Южного Зауралья» (1997). В книге «Уральская свадьба» (2014) Т. И. Калужникова знакомит читателя с традиционной свадьбой, бытовавшей у русского населения Среднего горнозаводского Урала, включая в книгу «сценарий» и описание наиболее существенных признаков местного свадебного действия.

И. Я. Стяжкин, В. Л. Козлова, В. Н. Бекетова, Н. Г. Сидорова, Н. Н. Успенская исследуют локальные традиции свадебной обрядности В. Л. Козлова «Старожильческий свадебный обряд в современных крестьянских меморатах (регион Зауралья)» (1995), В. Н. Бекетова «Шадринский свадебный обряд» (1995), Н. Г. Сидорова «Брак и свадебный обряд часовенных старообрядцев Свердловской области» (2010), Н. Н. Успенская «Свадебный обряд Каменского района Свердловской области: метаморфозы в пространстве, времени и сознании»).

Отдельно нужно сказать про И. Я. Стяжкина и его книгу «Народная литература Камышловского уезда Пермской губернии». Собирает материал И.

Я. Стяжкин в 1914-м году, а опубликован он был только в 2014 году. Однако И. Я. Стяжкин не первый записал уральскую свадьбу.

Важное значение имеют и фольклорно-этнографические материалы, опубликованные в периодической печати середины XIX века (Оренбургские губернские ведомости, 1850, № 32, 12 августа; Оренбургские губернские ведомости, 1851 № 43, 27 октября; Пермские губернские ведомости и др.); сводный их корпус которых еще предстоит сделать. Уральская свадебная обрядность продолжала фиксироваться внешними корреспондентами УОЛЕ. П. А. Шилковым в 1889 году. Шилков записал и опубликовал в «Записках Уральского общества любителей естествознания» свадебный обряд в Билимбаевском заводе Екатеринбургского уезда Пермской губернии.

Основной проблемой фиксации материалов по свадебной обрядности в фольклорном архиве УрФУ является то, что обряды записывались без комментариев – так проявляют себя нормы фиксации фольклорного материала определенной эпохи. С другой стороны, некоторые статьи, например статья Т. И. Калужниковой и В. А. Липатова «Традиционная свадьба как музыкально-драматическое единство (по современным записям в пос. Билимбай Свердловской области)» (1983 года) в качестве материала используют подготовленную *реконструкцию* обряда.

Таким образом, исследования, посвященные уральской свадебной обрядности есть, однако их не так много. Состояние фольклористики прошедших десятилетий (по крайней мере, на уровне учебной практики) проявляется в этих материалах и в крайне ограниченных сведениях о самом информанте и его истории, сведенной до адреса, профессии и года рождения. Сегодня мы можем говорить о возможностях расширения контекста благодаря записям современного свадебного обряда в форме бесед с информантами: анкеты, глубокие интервью, рассказы о свадьбе.

Большую ценность имеет и описание свадебного обряда, зафиксированное И. Я. Стяжкиным (Уральские песни, сказки и обычаи из

сборника И. Я. Стяжкина «Народная литература Камышловского уезда Пермской губернии»).

Мы видим, что уральская свадебная обрядность фиксировалась на протяжении как минимум двух столетий, накопленный материал, хотя и вводится в научный оборот все ещё остается не до конца описанным и изученным.

Этапы уральской свадьбы

И. Я. Стяжкин фиксирует одиннадцать этапов (частей) свадебного обряда: сватовство, просватанье, орешник, «зоря», «слава», гулянье девушек в день обручения, обручение, утро дня свадьбы, свадьба, столование, второй день свадьбы¹. Поскольку мы работаем со свадебными обрядами, зафиксированными, в основном, на Урале, будет удобнее сразу прописать этапы именно уральской свадьбы, хотя в классической русской (традиционной) свадьбе их может быть больше или меньше, в зависимости от региональных особенностей.

Кратко охарактеризуем каждый из них:

Самый первый этап свадьбы – *сватовство*, – один их важнейших. . В дом к невесте приходили сваты от жениха и сватали её. Если родители невесты не прочь были отдать дочь, то они договаривались о смотре женихова имущества. На сегодняшний день именно с этим элементом свадьбы произошли причудливые превращения, которые мы охарактеризуем ниже.

Просватанье (рукобитие) – когда торг заканчивается согласием с обеих сторон, отец жениха и отец невесты бьют по рукам. С этого момента невеста считается просватанной. Иногда, тот же этап называют пропивание, если отец «пропил» невесту, значит, он согласен на брак (несмотря на

¹ См. Уральские песни, сказки и обычаи из собрания И. Я. Стяжкина «Народная литература Камышловского уезда Пермской губернии». Т. 1. С.195-251.

архаику этого этапа, среди наших материалов есть один, где невесту именно «пропил» отец) – невеста начинает готовиться к свадьбе.

Орешник – гулянья, устраиваемые дома у невесты. В это время, когда невестины подружки помогают ей шить приданое, по вечерам к ним приезжают парни и устраивают вечерки. Молодые танцуют, поют, играют.

«Зоря» и «Слава» – песни, которые поют девушки у дома жениха, потом у дома невесты.

Гулянье девушек в день обручения – в день обручения девушки собираются, рядятся и едут к жениху. Там они поют, их угощают, и они возвращаются к невесте. В предметном плане этот этап беден, поэтому мы опустим его при дальнейшем анализе.

Обручение – все гости, которые будут на свадьбе, приходят на обручение. Там девушки всем поют величальные песни, собирают за это деньги. Невеста окончательно обручается с женихом. Жених бросает платок три раза, а невеста должна его подбирать и целовать жениха.

Утро дня свадьбы – один из самых насыщенных этапов. В это время невесту ведут в баню, она причитает на потнике на улице, ей расплетают косу, она прощается с красотой, её наряжают, она прощается с родительским домом в последний раз.

Свадьба – жениха благословляют его родители, и он едет к невесте. У невесты происходит много действий: выкуп, благословление молодых и т.д. Молодые едут в церковь. Венчание. После венчания молодые отправляются в дом к жениху.

Столование – праздничный пир в доме у жениха. Гости поздравляют молодых. Все поют веселые песни.

На второй день свадьбы принято ездить к свекрови на блины. А также обычно проходит испытание молодой.

В современной свадьбе, как показывают наши записи, эти этапы не выделяются в отдельные мизансцены, однако само развернутое

драматургически свадебное действие осталось, и на него наложались европейские, американские, даже восточные традиции. Из-за разрушения цельности обряда образовались пустоты, которые заполняются различными нетрадиционными включениями.

1.3. Онтология брака

Говоря о свадебном обряде, нельзя не сказать о смысле брака как такового, ведь свадебный обряд является лишь оболочкой того сакрального действия, которое происходит между молодоженами.

В древних культурах брак осмыслялся онтологически, то есть бытийно-философски. М. И. Шахнович, размышляя на тему появления представлений о богах, пишет: «В доклассовом обществе люди верили, что стихии природы, олицетворенные в образах различных духов, могут вступать в брак, иметь детей. <...> В условиях раннего земледелия сложилась вера в «священный брак» неба и земли» [Шахнович 1968, 30]. Из слов М. И. Шахновича видно, что брак всегда занимал особое место в мировоззрении людей. Исходя из того, что культура нашей страны теснейшим образом связана с христианством в его православной традиции, хотелось бы обратиться к библейским образам брака и его религиозно-философскому смыслу. Брак появляется в Библии не раз, наиболее выразительные сцены и метафоры о браке содержатся в книгах Бытия и Нового Завета (Евангелие от Иоанна 2:1–11, Апостол). В книге Бытия сказано: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь» (Быт. 1: 27–28); «Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут [два] одна плоть» (Быт. 2: 24). Эти библейские цитаты не характеризуют брак как таковой, но указывают на Божий промысел, состоящий в возможности единения двух людей. У ветхозаветных евреев религиозным основанием брака почиталась заповедь Божия: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею» (Быт. 1 : 28).

Ветхозаветное иудейское мышление видело сущность и цель брака в воспроизводстве рода. Продолжение рода было самым очевидным и совершенно необходимым знаком Божьего благословения [Мейендорф 6, 2004]. Исходя из слов Библии, можно сказать, что человеку от сотворения мира было заповедовано вступать в брак, это было заложено Творцом с самого начала, хотя союз мужчины и женщины ещё не называется браком Богом прямо. Т. А. Касаткина в статье «Об онтологии мужчины и женщины в христианстве» замечает: «...В раю в момент разделения на «два пола» человек умножился, но не раздробился. Он просто перестал быть одинок, получил возможность любить и радоваться другому, который в то же время – ты сам» [Касаткина 2008, 145], таким образом в Ветхом Завете союз мужчины и женщины установлен самим Богом. В Новом Завете посещение Христом свадьбы в Кане Галилейской является благословением брака. О высоком значении брака свидетельствует то, что в Библии брачный союз символизирует отношение Бога к народу, Христа к Церкви (см. Ос.1–14; Еф.5:22). Христос Спаситель подтверждает святость брака, установленную в Ветхом Завете (см. Мф.19:3). В идеале христианский брак мыслился как нерасторжимый; расторжение его стало возможным лишь как уступка «жестокосердию» людей (см. Мф. 5:31–32, 19:3–12). О церковном благословении брака впервые говорит сщмч. Игнатий Антиохийский. В древней Церкви форма таинства сводилась к совместному причащению вступающих в брак, с IV века возникает обряд венчания, а в X в. складывается его чинопоследование. Из всего выше сказанного видно, что христианство смотрит на брак как на благословенное Богом дело, в котором отношения между супругами освящаются. Надо сказать, что источником учения о браке в христианстве является не только Библия, но каноны церкви и учения святых отцов.

Свадебная обрядность говорит нам о философском смысле обряда не напрямую; глубокое осмысление его уже вписано в обрядовую сторону таинства венчания.

После разрушения обряда философское осмысление соединения двух людей, безусловно никуда не ушло, оно осталось как бы под спудом. Платоновский миф о «поиске своей половины», обросший романтическим флером и спустившийся по возрастной шкале вниз, соединился с иными романтическими историями, по сути, пытающимися дать человеку ощущение наполненности бытия, которое во многих религиях, в частности в христианстве, достигается в браке. Для нас онтологический аспект брака важен, так как тексты предоставляют материал для такого рода трактовки, часть информантов осмысливают свой брак в самых высоких онтологических категориях.

После того, как в России изменился процесс регистрации брачных отношений (появилась возможность гражданского брака – зарегистрированного государством и церковного, причем церковный брак без гражданского не допускается), на фоне этого изменился и сам обряд¹. Пустота, образовавшаяся на месте христианского осмысления обряда в таинстве венчания, жаждала своего заполнения, что и произошло. С. Б. Адоньева, в лекции «Советская свадьба: проект, миф и современный извод» указывает на то, что в советское время свадебный обряд был разрушен и

¹ «Удивительное разнообразие существует в христианском мире в решении вопроса о форме брака. Для примера возьмем четыре славянских государства – советскую Россию, Болгарию, Чехию и Югославию. В России церковная форма брака не имеет никакого значения для государства, а признается только гражданский брак. Обязательный гражданский брак существует в большинстве стран: во Франции, Голландии, Бельгии, Германии, Швейцарии, Венгрии, Португалии, Чили, Мексике, Бразилии, Аргентине, Боливии и Венесуэле. С другой стороны, в Болгарии только церковная форма брака имеет юридическое значение. Существует также обязательный церковный брак в Польше, Австрии, Дании, Финляндии, Норвегии и Перу. В Чехии гражданская и церковная формы брака имеют одинаковое значение для государства, так что выбор той или другой формы зависит исключительно от брачующихся. Говоря юридическим языком, в Чехии существует факультативная форма брака. Существует она также в Соединенных Штатах Америки, в Англии, в Швеции, в Литве, а в последнее время и в Италии» [Троицкий 2015, 185].

затем сконструирован заново [Адоньева 2018a]. Можно сказать, что в свадебном обряде происходит заполнение образовавшейся пустоты за счет «нарастания» новых ритуальных/обрядовых элементов. Наш материал свидетельствует о том, что людьми осознается глубокий смысл обряда (в той или иной степени), они формулируют для себя его в условиях плюралистической картины мира. Отметим, что вопрос о браке выступает в тесной связи со свадебным обрядом в различных его проявлениях, даже самых редуцированных.

1.4. Материалы исследования

Наше исследование строится на анализе 8 глубоких интервью и 92 автобиографических рассказов, собранных в период с 2018 по 2021 года.

Интервью проводились по созданному нами тематическому опроснику, при составлении опросника учитывались ключевые, на наш взгляд, этапы свадебного обряда. С опросником можно ознакомиться в приложении №1. Возраст информантов от 22 до 67, пол – женский. Самая ранняя свадьба 1974 года, 1977, 2003, 2008, 2014, 2016, 2019, 2021. Все свадьбы относятся к городскому типу, хотя встречаются и элементы традиционной (деревенской) свадьбы встречаются. Качественный анализ интервью позволяет получить представление о значении обряда для наших современников, посмотреть на свадебный нарратив как на гипертекст.

Автобиографические рассказы (мы используем именно этот термин, так как термин *меморат* в узком смысле ограничен для решения исследовательских задач) были получены нами от студентов филологов, историков в рамках курсов «Устное народное творчество», «Современный фольклор». Студентам было дано задание, записать семейные свадебные истории. Преимущественно истории записывались со слов героев-участников (дедушек, бабушек, пап, мам, тетей, братьев, сестер), иногда студенты включали свои воспоминания о свадьбе родственников, если они на ней присутствовали. По структуре тексты неоднородны и от того представляют

особый интерес. География таких рассказов довольно обширна – это Россия (северная и центральная), Украина, Белоруссия, Казахстан. Самые ранние истории о свадьбе в нашей коллекции датируются 1955 годом, самые поздние – началом 2000-х, если быть точными, самая поздняя наша свадьба относится к 2022 году.

Ниже приведем таблицу с описанием географии материала (после описания материалов Свердловской области, населенные пункты размещены в алфавитном порядке):

Год	Место проведения
	Свердловская область
1955	Свердловск_Екатеринбург
1958	
1970	
1971	
1974	
1975	
1976	
1977	
1978	
1993	
1996	
2001	
2002	
2008	
2010	
2012	
2013	
2014	
2015	
2016	
2017	
2018	
2019	
2021	
1964	Каменск-Уральский
1975	
1964	Нижние Серги
1965	Реж
1967	Нижний Тагил

1974	
1968 2008	Краснотурьинск
1970	д. Бобровка (Алапаевское муниципальное образование)
1971 1977	Невьянск
1973	п. Изоплит (Кировский район Свердловска-Екатеринбурга)
1977	п. Верхнее Дуброво (городской округ Верхнее Дуброво)
1978	Богданович
1991	с. Ключи (Сысертский городской округ)
1992	п. Черноисточинск (Горноуральский городской округ)
1993	с. Бараба (городской округ Богданович)
1995	п. Андриановичи (Серовский городской округ)
1995	п. Карелино (Верхотурский городской округ)
1996	Туринск
1997	Асбест
2001	Качканар
2002	Сухой Лог
2016	Новоуральск
	республика Башкортостан
1971	с. Новобелокатай (Белокатайский район)
2000	Уфа и Уфимский район
	Белорецкий район
1979	Белорецк
	Иркутская область
1991	Нижнеудинск
	Курганская область
1969 2001	Курган
1974	Петухово
	Московская область
1974	Москва
	Омская область
1997 2013	Омск
	Оренбургская область
1967	Орск
1969	с.Новоалексеевка (Грачёвский район), с. Жилинка (Бузулукский район)
1998	Новотроицк
	Пермский край

1961	Красновишерск
2006	Пермь
	Ставропольский край
2009	Благодарный
	Тюменская область
1971	Тюмень
1999	Ишим
	Ульяновская область
2015	Ульяновск
	Ханты-Мансийский автономный округ
1992	Сургут
1995	Югорск
1999	Нагань
2001	Мегион
	Челябинская область
1970	Миасс
1973	
1987	
1972	Озёрск
1992	Магнитогорск
2013	Челябинск
	Чеченская республика
1984	Грозный
	Чувашская республика
2008	Алатырь
2014	
	Ямало-Ненецкий автономный округ
1994	с. Мужы (Шурышкарский район)
	Белоруссия
1955	д. Закальное (Минская область)
	Казахстан
1973	Кокшетау (Акмолинская область)
1992	Аркалык (Костанайская область)
	Польша
1957	Варшава
	Украина
1976	с. Митки (Барский район)
1983	Балаклея (Харьковская область)

В ходе анализа свадебного обряда нами привлекались в качестве сопоставительных записанные ранее материалы, касающиеся свадьбы: описание свадеб XIX века, архивные материалы.

Описание свадьбы XIX века мы реконструируем, исходя из следующих текстов:

- Свадебные обряды у жителей Уфимского уезда, 1850 года // Оренбургские губернские ведомости. 1850. № 32. 12 августа. С. 156–160;
- Свадебный обряд в Челябинском уезде 1851 года (Из зап. св. Шм-на) // Оренбургские губернские ведомости, 1851 года, 27 октября, № С. 192–193;
- Дмитриев А. А. Свадебные обряды и песни Билимбаевского завода Екатеринбургского уезда // Записки УОЛЕ. Т. 13. Вып. 2. – Екатеринбург, 1891–1894. – С. 177–195.

Эти тексты представляют довольно полное описание обряда уральской свадьбы, относящееся к середине XIX века.

Описание свадеб начала и первой половины XX века довольно скудное, мы имеем записи И. Я. Стяжкина («Народная литература Камышловского уезда Пермской губернии» Том 1, отдел IV.) и архивные материалы – записи фольклорных экспедиций УрГУ 1960–1990 гг. Эти материалы привлекаются по мере необходимости.

Записи XIX – начала XX вв. представляют собой традиционную свадьбу, где ярко выражена свадебная драматургия, обрядность, патриархальность. В фокусе нашего исследования находится современная свадебная обрядность, поэтому материал XIX и XX века будет использоваться нами лишь для типологического сравнения. Конкретное место проведения свадьбы (уральской) для нашего исследования особого значения не играет, поэтому будет нами обозначаться только в случае необходимости.

1.5. Методы исследования

Наше исследование строится на анализе двух типов текстов: автобиографических рассказов и полуструктурированных интервью. В нашей работе, мы используем термин «нарратив», который имеет несколько толкований. Обозначим подходы, существующие в понимании данного термина. Первый – философско-исторический. Исследователи отмечают, что в данном подходе «важнейшей атрибутивной характеристикой Н. является его самодостаточность и самоценность <...> Классической сферой возникновения и функционирования нарратива выступает история как теоретическая дисциплина» [Грицанов, Румянцева, Можейко 2002, 614].

Второй подход – литературоведческий. В литературоведении нарративом занимаются такие филологи как Р. О. Якобсон, В. Шмид, В. Тюпа. Термин впервые использовал Ц. Тодоров в книге «Грамматика "Декамерона"» (1969 год). Считается, что одним из первых, кто выделил нарратологию как направление, был Р. О. Якобсон. На становление нарратологии как отдельной дисциплины повлияли русские формалисты, М. М. Бахтин с концепцией диалогичности, представители московско-тартуской семиотической школы (Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский), англо-американские и немецкие исследования по технике повествования (П. Лаббок, В. Кайзер и др.). Особую роль сыграли труды французских структуралистов – А. Ж. Греймаса, К. Бремона, Тодорова, Ж. Женетта, Ж. К. Коке, раннего Р. Барта. В сфере внимания нарратологии – анализ иерархии повествовательных уровней, отношений между читателем, повествователем и персонажем, рассказом и историей и др. [Большая Российская Энциклопедия]. Благодаря работам литературоведов выделилась отдельная дисциплина «нарратология», занимающаяся изучением *художественных* текстов. Текст в нарратологии рассматривается как повествуемая история и как повествование.

В современной науке нарратив попадает не только в поле зрения филологов, активное изучение нарративов происходит в психологии,

социологии, философии. «Последние 15–20 лет отмечены особенно интенсивными исследованиями нарратива в разных научных дисциплинах, что связано с осознанием важности повествований в человеческой жизни» [Луканина, Салиева 2014, 210].

Л. К. Салиева отмечает, что в настоящее время нарратив (изложенная история) признан имманентным свойством человеческого мышления и, отсюда, – главной формой понимания и культурного опыта, организации научных исследований и образовательных технологий, социального взаимодействия [Салиева 2012, 116].

В нашем понимании нарратив представляет собой устный рассказ, изложенную историю, где в центре рассказчик-повествователь. А. А. Павлова пишет о текстах, принадлежащих к семейной истории: «Тексты внутрисемейных родословных обладают одновременно как признаками линейности (нарратива), так и гипертекста (вненарративного повествования). Подобное явление возможно, благодаря особой пластичности текстовых фрагментов, их способности «растягиваться» до целого рассказа в рассказе и «сужаться» до элементарного упоминания факта» [Павлова 2004, 8]. Похожую ситуацию мы наблюдаем и в наших нарративах, но подробно об этом мы скажем, когда будем рассматривать категории контекста и гипертекста. Важно, что в нашем случае, нарратив не является художественным текстом. Нарратив мы понимаем не столько литературоведчески, структуралистски, сколько социологически, так как мы исходим из специфики нашего материала. Безусловно, мы учитываем ключевые «аналитические компоненты нарратологии – сюжет, голос, время, точка зрения, персонаж, роль [Трубина 2002, 7], но наше внимание сосредоточено именно на реальной истории и реальном рассказчике со всеми контекстами. Мы будем использовать «филологический инструментарий» нарратологии с учетом того, что к нашим текстам не применима категория художественности.

Г. Розенталь в статье «Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью» указывает на нарративный анализ¹ Ф. Шютце [Розенталь 2003, 322]. Метод нарративного анализа используется сегодня в основном в социологии, Розенталь отмечает: «Мы исследовали эти рассказы о жизни на двух уровнях: 1) анализ жизненного опыта человека (генетический анализ) и 2) анализ самого повествования об истории жизни» [Розенталь 2003, 322]. Последнее – анализ повествования о жизни – и будет объектом нашего пристального внимания и интерпретации силами филологических категорий. Нас же в первую очередь будет интересовать анализ самого повествования.

В центре нашего исследования восемь глубоких интервью. В отношении методики качественного анализа интервью мы опираемся на работы таких исследователей, как С. Квале «Исследовательское интервью» (1996), И. В. Троцук «Теория и практика нарративного анализа в социологии» (2007). Монография С. Квале представляет собой базовое исследование для специалистов гуманитарной сферы (антропологов, социологов, филологов, фольклористов, историков и др.), так как соединяет практический подход с глубоким философским осмыслением нового типа знания, получаемого в результате интервьюирования. Так как наше исследование в некоторой степени носит междисциплинарный характер, то необходимо обратиться также к социологическим и психологическим исследованиям.

¹Нарративный анализ – качественный анализ материала нарративного интервью (биографического или тематического). Основные методологические разработки Н.А. связаны с именами Ф. Шютце (Fritze Schutze), В. Фишера (Wolfram Fischer), Г. Розенталь (Gabriele Rosenthal), Дж. Брунера (J. Bruner) и др. Прочтение, интерпретация и анализ жизненных историй и иного нарративного материала может исходить из двух главных независимых измерений: «холистический подход versus категориальный» и «содержательный подход versus формальный» [Крукович 2003, 603].

Актуальность и необходимость исследований, включающих в себя анализ взятых интервью, С. Квале в своей книге обосновывает так: «Качественное исследовательское интервью направлено на то, чтобы понять мир с точки зрения собеседника, раскрыть смысл переживания человека, увидеть мир, в котором он живет, прежде чем давать ему научное объяснение. Качественное исследовательское интервью – это момент конструирования знания» [Квале 2003, 13]. Более 20 лет назад С. Квале обосновал новый метод – исследовательское интервью, «результатом применения которого становятся качественные тексты, а не количественные данные, этот метод еще и отражает альтернативный взгляд на предмет исследования социальных наук» [Квале 2003, 19]. Как и многие качественные методы исследований, метод интервью опирается на некоторые базовые ценности, вошедшие в науку из феминистских исследований. Центральным моментом феминистских исследований, как пишет С. Квале, являются различные ситуации, в которых оказываются женщины, и обстоятельства, влияющие на эти ситуации [Квале 2003, 78]. К таким ситуациям можно отнести ситуации перехода, в которых оказывается женщина: свадьба, роды.

Метод интервью активно используется зарубежными социологами для изучения ритуалов, связанных со свадьбой и современными свадебными тенденциями [Carter, Duncan 2016, 3].

Таким образом, в отечественной гуманитарной науке XXI века, когда свадьба хорошо изучена в диахронном аспекте, подробно описан и изучен обряд традиционной (деревенской) свадьбы конца XIX–начала XX века, есть возможность и потребность посмотреть не свадьбу не только как на один из обрядов, который тесно связан с жизнью каждого человека, но увидеть человека «внутри свадьбы», изучить конструирование обряда изнутри.

Это стремление поддерживается и историками направлений *memory studies*, истории повседневности и устной истории. Как отмечает В. С. Степанова в статье «Генезис понятия "Устная история"»: «Научный поиск

все более поворачивается от "обстоятельств к человеку"» [Степанова 2012, 392]. Похожую мысль о важности фиксации личного опыта высказывает В. Шаламов.¹

В XIX веке содержание свадебного обряда было понятно и стабильно, оно было обусловлено многими факторами: социальными, региональными, религиозными. Сегодня, в век глобализации, в эпоху, когда мода определяет выбор людей, важно обратить внимание не просто на психологию людей, но посмотреть, как рождается обряд в каждом конкретном случае: если раньше был «один обряд на всех», хотя и разнился локально, то сейчас, сохраняя общий стержень, обряд меняется в зависимости от предпочтений участников, и мы наблюдаем уникальное обрядовое действо, которое требует научного освещения и рефлексии. Метод интервью позволяет выявить ключевые точки (моменты) в свадебном обряде сегодня. Благодаря глубокому интервью мы можем, в числе прочего, посмотреть на сохранность обряда в памяти участника, что позволяет выявить значимые, концептуальные элементы в свадьбе.

В интервью о свадьбах доминирует автобиографическое начало. Опираясь на типологию Н. А. Николиной, приведенную в учебном пособии «Поэтика русской автобиографической прозы», можно сказать, что наши нарративы относятся к автобиографическим текстам, включающим одновременно развернутые воспоминания о прошлом, связанных с ним реалиях, лицах и т. п. [Николина 2002, 12].

Конечно, отнести интервью строго к какому-либо типу автобиографических произведений нельзя, однако в исследовательских интервью, зафиксированных нами, есть четкая установка на воспоминания. Г. Розенталь даже говорит о биографических нарративных интервью [Розенталь, 2003, 323].

¹ И. Сухих отмечает, что В. Шаламов в манифесте «о новой прозе» говорит о том, что сегодня должна достойна существования «проза бывалых людей» [Сухих 2013, 225].

Автобиографией (особенно в последние 20 лет) занимались и занимаются многие исследователи (филологи, философы, историки, психологи, социологи). Наибольшее значение для нас имели труды В. Б. Голофаства «Многообразие биографических повествований» (1995), Г. О. Винокура «Биография и культура» (2001), Н. А. Николиной «Поэтика русской автобиографической прозы» (2002), В. В. Нурковой «Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности» (2004), Е. А. Ковановой «Риторика автобиографического дискурса» (2005), С. В. Волошиной «Автобиографический рассказ как объект исследования» (2010), Ю. Б. Шлыковой «Автобиографический текст как смысловое отражение бытия личности» (2013).

Помимо интервью в нашей коллекции есть автобиографические рассказы о свадьбе, которые можно считать частью семейной истории. Автобиографические рассказы представляют по большей части воспоминания о свадьбе. В отличие от интервью автобиографические рассказы более спонтанны и менее структурированы. В них нет жесткого каркаса из вопросов интервьюера. Можно говорить о том, что в интервью мы наблюдаем «построение» автобиографического нарратива здесь и сейчас, а в автобиографических рассказах доминирует воспоминание о событии как таковое. И. А. Разумова считает, что рассказы о создании и распаде семьи занимают центральное место в семейно-биографическом тексте [Разумова 2001, 245]. К данному типу текстов (автобиографическому рассказу, нарративу) применимы те же методы, что и к интервью, несмотря на то, что эти тексты созданы по другим законам. Всего в нашей коллекции 92 автобиографических рассказа. Объем рассказов в среднем не превышает пяти тысяч знаков. Как мы уже говорили, рассказы собирались студентами. Перед студентами была поставлена задача – записать от родственников рассказы о свадьбе, задача родственников была описать свадьбу как можно подробнее. Студенты записывали рассказы либо на диктофон, и потом сдавали

расшифровки, либо сразу записывали рассказ со слов родственников. Таким образом, образовалась коллекция текстов (без аудио), сопровождаемых паспортом информанта. В работе мы используем интерпретационный метод анализа текста.

Глава 2. Контекстуальное и гипертекстуальное устройство свадебных нарративов

Термины контекст и гипертекст уже давно вошли в гуманитарную науку и закрепились в ней. Прежде чем мы перейдем к анализу нарративов, поясним, как данные термины понимаются нами в работе.

2. 1. Контекст

В лингвистике под контекстом понимают «фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы, являющегося непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста» [ЛЭС 1990, 238]. Контекст может быть лингвистический и экстралингвистический. К экстралингвистическим контекстам относят, например, контекст ситуации.

Контекст в литературоведении – это, с одной стороны – «семантическое поле, в котором содержатся сведения о месте литературного произведения в творческом наследии писателя (историко-литературоведческий К.) <...> (теоретико-литературоведческий К.), <...> (критико-литературоведческий К.)» [Сакулин 2014, 65], с другой – «относительно законченная часть текста, в которой отдельное слово получает точный смысл и выражение, отвечающие именно данному тексту в целом. <...> В более широком смысле контекстом можно считать произведение в целом» [Захаркин 1974, 156].

В фольклористике понятие контекст более сложное. М. Д. Алексеевский в статье «Фольклористика между текстом и контекстом» последовательно показывает, как термин контекст развивается в фольклористике. У истоков разработки этого понятия в фольклористике стояла Т. Б. Дианова, которая предлагает «новую, более сложную классификацию контекста фольклорного текста. С одной стороны, предлагается «дифференцировать естественный контекст от исследовательского»; с другой стороны, естественный контекст подвергается

более дробной классификации, делясь на три составляющих: «контекст ситуации исполнения (конкретная коммуникативная конситуация), фольклорно-текстовой континуум, в который исследуемый текст включен, и культурно-этнографический фон, на котором бытует текст» [Алексеевский 2011, 51]¹. Из определения Т. Б. Диановой видно, что понятие «контекст» позволяет работать со средой, в которой рождаются и исследуются фольклорные тексты. В данной работе нас интересует естественный контекст, если следовать классификации Т. Б. Диановой, то для нашего исследования актуален фольклорно-текстовой континуум, куда включена и собственно ситуация текстопорождения, и культурно-этнографический фон. Наша цель, во-первых, показать, как свадебный обряд включается в контекст семейной истории; во-вторых, проанализировать, как информанты рефлексировали по поводу традиционного контекста свадебной обрядности; в-третьих, проанализировать, как место и время свадьбы отражается в рассказах о свадьбе.

2. 1. 1. Контекст семейной истории: рассказы о свадьбе

Как уже было сказано ранее, свадебный обряд включается в контекст семейной истории. Исключения могут составлять семейные истории, закончившиеся разводом, однако и в этом случае иногда может встречаться упоминание о первой свадьбе. Приведем примеры: «Бабушка прожила с дедом целых тридцать лет. За это время у них появилось двое детей. Их брак нельзя было назвать счастливым, и он вскоре завершился разводом в 2000 г.» [Автобиографический рассказ – далее А/р Бобровка, 1970] // «Когда мои родители познакомились, они уже знали, что представляет собой брак. Я имею в виду, что до того, как сошлись Аверин Михаил Павлович и Валенчук Ольга Владимировна, в брак они уже вступали и даже имели детей. Папа оставил свою дочь Настю без лишних ссор и судебных разбирательств с

¹ Алексеевский М. Д. Фольклористика между текстом и контекстом // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2011. №9 (71). С. 42–56.

бывшей женой; мама, без мужской поддержки, с моей будущей сестрой Ксюшей на руках, встретила того, кто помог ей встать на ноги» [А/р Ишим, 1999] // «В тысяча девятьсот девяносто втором году Светлана была замужем, к тому времени она родила двух детей: Виктора и Александра. Со стороны мужа был постоянный контроль, это послужило поводом для разрыва отношений. Светлана ушла из дома с сыновьями» [А/р Мегион, 2001].

Можно предположить, что информация о предыдущих браках включена в семейную историю, так как от предыдущих браков остались дети.

Единственный раз нам встретилось полное описание свадьбы, которая закончилась разводом, при этом информантом рассказ о первой свадьбе не исключается из семейной истории, а наоборот - он подвергается рефлексии и служит неким поучением-наставлением потомкам: «Сейчас бабушка, вспоминая свою первую свадьбу, думает, что была б она внимательнее, то заметила, что судьба ей говорит не выходить за этого человека. Вероятнее всего, сегодня в ней уже говорит многолетний опыт. Стоит отметить, что ее первая свадьба хоть и была пышной, но будущая жизнь счастливой не стала. Поэтому вторая ее свадьба была скромной и с дедушкой они живут до сих пор. Бабушка сказала мне такую вещь: «Не важно, насколько у тебя красивое платье или большой церемониальный зал, важен только человек, с которым ты хочешь связать судьбу» [А/р Богданович, 1978].

Как правило, в контексте семейной истории центральное место занимает свадьба как история любви. Важно, что именно через рассказ о свадьбе происходит трансляция ценностей. С. Б. Адоньева считает, что свадьба – это одно из событий, в котором люди предъявляют свои ценности [Адоньева 2015]. Анализ нашего материала показывает, что трансляция ценностей происходит, как правило, по вертикали – от старшего поколения к младшему. Дедушки/бабушки, папы/мамы, дяди/тети – «передают» ценности, иногда осознанно, иногда внуки/дети самостоятельно «усваивают» их, наблюдая за жизнью старшего поколения. Если же история свадьбы

рассказывается между братьями-сестрами, то выраженной установки на «передачу традиции» отметить нельзя.

Приведем примеры и кратко опишем ценности, которые на наш взгляд актуализируются, а затем прокомментируем: «Вот – вся свадьба, вот – весь праздник, который я не могла долгие годы простить своему отцу, ибо могла учиться и знание получить» [А/р Белорусия, 1955] (приоритет учебы, который не был реализован) // «Сейчас я расскажу о свадьбе моих родных, узнала о которой я со слов бабушки, которая, на удивление, спустя столько лет все не выпускает из памяти детали того дня» [А/р Свердловск, 1958] (ценность памяти) // «Через некоторое время у нас родилась дочка - твоя мама. Сейчас вот браку нашему, страшно сказать, уже 44 года. Как я её столько вытерпел? Хотя на самом деле странно, что она меня столько лет терпит. Не то что терпит всегда. Иногда вроде бы и сейчас её счастливой делаю. А она меня. Ссоримся, конечно. Куда без этого? Но сам видишь: быстро миримся» [А/р Свердловск, 1970] (ценность продолжительности семейной жизни и терпения) // «Бабушка вспоминает о свадьбе с теплом и очень жалеет, что годы так быстро идут. Я надеюсь, что у меня будет тоже такая свадьба, о которой я буду помнить всю свою жизнь, до самой старости» [А/р Свердловск, 1971] (ценность памяти) // «Да и в целом после свадьбы мы другими стали: более ответственными, сознательными, терпеливыми... сам поймёшь потом. Взрослым становишься, когда в брак вступаешь, до этого как-то несерьёзно всё, так скажем. Любовное воодушевление-то проходит, но свыкаешься с другой ролью: защитника, мужа, отца. Там в другом уже смысл жизни находишь» [А/р Свердловск, 1977] (ценность брака) // «37 лет...Такой продолжительный срок все-таки не могут прожить вместе случайные люди, только близкие, родственные души» [А/р Балаклея, 1983] (ценность продолжительности семейной жизни) // «Родители вспоминают свадьбу с удовольствием и недавно отметили фарфоровую свадьбу - 20-летие» (ценность памяти и продолжительности семейной жизни) [А/р Туринск,

1996] // «Свадьба моих родителей проходила 24.11.1996 года, за два года до моего рождения. Как говорит мой отец: «Это были лучшие два года в моей жизни» (надеюсь, что он шутит). <...> Совсем скоро уже двадцать лет с того дня, и мы, на удивление, счастливы. Да, дорогая?» [А/р 1996] // «В заключение хочется сказать, что вот уже на протяжении 18 лет мои родители с теплотой в душе вспоминают один из самых радостных и трогательных моментов в их жизни» (ценность продолжительности семейной жизни) [А/р Сухой Лог, 2002]. Сейчас обратим более пристальное внимание на несколько ценностных установок рассказчиков.

Продолжительность совместной жизни

Продолжительность совместной жизни, то есть сколько лет продолжается брак, информантом или скриптером (тем, кто записывает обряд) презентуется как несомненная ценность (хотя вопрос об актуальности этой ценности для скриптера остается открыт). Свадьба как бы «навязывает», программирует участников и даже рассказчика на подобный сценарий, который предлагается к осуществлению. Искомое воплощение этого «скрытого» сценария – всегда проговаривается и служит предметом гордости. Мы видим, что сами информанты делают акцент на продолжительности брака, и тех качествах, которые, по их мнению, необходимы для семейной жизни: терпение, готовность мириться и пр.

Ценность семейной памяти

На первый взгляд кажется, что память, в частности семейная память, является априорной ценностью, но, как показывает практика, далеко не во всех рассказах отмечается ценность семейной памяти как таковой. В ходе анализа мы увидели, что скриптеры обращают особое внимание на то, что события свадебного дня не стерлись из памяти. И, рассказывая о них, информант таким образом транслирует ценность брака как такового.

Жизненные приоритеты

В данную группу попадет единичный пример, но по-своему показательный. Свадьба, о которой рассказывается, состоялась в 1955 году, в белорусской деревне. В официальном дискурсе того времени был сформирован культ знаний, все должны были работать, дети воспитываться в яслях и детских садах, мамы активно трудиться на производстве. Поэтому патриархальные семейные традиции воспринимались молодежью отрицательно. В данном случае виден конфликт интересов старшего и младшего поколения. Но возникает этот конфликт, прежде всего из-за того, что отец навязывает свою волю дочери, для которой желаннее оказывается иной, возможный, но неосуществлённый вариант судьбы. Из текста непонятно, как дальше сложилась жизнь рассказчицы, была ли она счастлива в браке, или развелась, но для нас важно, что о свадьбе и роли отца в ней у неё осталось именно такое воспоминание.

Помимо историй маркированных как однозначно счастливые и историй с разводом, нам встретился примечательный текст, когда сам информант не дает однозначной оценки семейной жизни, можно только предполагать, что она была не простая: «А я ни на кого не обижалась, порываю да дальше живем, - произносит бабушка неожиданно, - Он еще вот привел меня к матери-то, забыла тебе сказать, вот, мол, жить будем. Мне она и дала благословение, - бабушка невольно усмехается. Говорит: «Вот, когда жавите, и людей не смяшите...». Она всегда вместо слова «тогда» говорила вот это «когда» ... Ну, вот так как-то жили мы, что теперь сделаешь» [А/р Кокшетау, 1973].

Подводя итог, можно сказать, что история о свадьбе всегда вписана в контекст семейной истории. При позитивном сценарии семейной жизни история рассказывается, семейные ценности транслируются как ее имманентная часть; при негативном сценарии – история исключается из семейной памяти и/или служит примером-поучением.

2. 1. 2. Контекст традиционной свадьбы в рефлексии рассказчиков

В первой главе мы осветили вопрос формирования современной (для нас) свадебной обрядности. Мы говорили о том, что свадьба постепенно утрачивает свою традиционную составляющую. Анализ наших текстов показывает, что бо́льшая сохранность традиционных элементов характерна либо для деревенской местности, либо для маленьких городов. Заметим, что, чем ближе к современности свадьба, тем меньше в ней традиционных элементов. Однако, это не значит, что свадьба лишается своего сакрального наполнения, вместо утраченных традиций появляются другие. На основе анализа текстов можно выделить несколько аспектов, касающихся традиций на свадьбе:

Народные традиции в свадьбе:

Приведем примеры упоминаний о свадьбах с народными традициями, которые сегодня либо совсем ушли, либо очень сильно трансформировались (обозначим сначала традиции, которые позже прокомментируем): «В этот день происходил странный обычай, значения которого моя бабушка не знает. В этот день рвали юбку на крёстной матери невесты, которую крёстная специально для этого и шила. Также в этот день катали мать жениха на корыте по асфальту» [А/р Каменск-Уральский, 1964] // «Катали тещу в корыте. Второй день проходил в квартире жениха. В этот день муж должен был разбить рюмку об стену, чтобы доказать, что его жена невинна. Также в рюмку засовывали сено, наливали водку и пили. Считалось, что это принесёт в жизни богатство» [А/р Каменск-Уральский, 1975] // «Так же, по традиции, катали тещу в корыте, таким образом ей обминают бока, чтобы та была не вредная и невестку любила» [А/р Бараба, 1993]. Первое, на что хочется обратить внимание – традиция катать тещу в корыте. Традиция это, как видно из текстов бытовала вплоть до 90-х годов, и существовала в сельской или провинциальной местности. Данная традиция связана с ряжеными на свадьбе, относится ко второму дню празднества: «В корыто сажали ряженных

«жениха» и «невесту» и под громкие крики волокли к трактиру, где веселились, продавали корыто, а деньги сообща пропивали» [Славянские древности II, 1999, 543].

«С самого утра родные братья моей бабушки били посуду в доме и разбрасывали деньги, как принято, на счастье!» [А/р Свердловск, 1955]. Традиция с битьем посуды также довольно примечательна. Посуда символизирует женский мир. Сломанные тарелка, ложка на свадьбе демонстрируют качество перехода невесты из девушки в женщину. На Руси битье горошков во время свадебного обряда – дело повсеместное. Байбурин пишет: «Если невеста оказалась “честной”, то обряд совершается по полному варианту, а если нет, то он сворачивается. В первом случае повсеместно отмечаются такие действия, как битье горшков, ломание различных предметов, оповещение о невинности с помощью различных знаков» [Байбурин 1993, 85]. Г. В. Жиронова по поводу городской свадьбы пишет следующее: «У обитателей городских окраин и в начале XIX в. сохранялся обычай бить «горшки», который, как и в крестьянской среде, выполнялся на второй день свадьбы. Бытовали и некоторые традиционные обрядовые действия, связанные с публичным оглашением невинности невесты» [Жиронова 1980, 60]. Так же исследователь свадьбы В. Варганов отмечает, что «с мужской стороны совокупление брачующихся оформляется так: мужчина, управляя конем, пашет плугом (боронит бороной) землю, а с женской стороны половой акт соотносится с сугубо женскими занятиями: толочь зерно в ступе, мешать кашу мутовкой, плести решето, прясть шерсть, подметать сор (перья, черепки) веником, бить горшки» [Варганов 1995, 154]. В словаре «Славянские древности» сказано, что битье посуды осмыслялось как «пожелание счастья новобрачным, ассоциировалось с дефлорацией или родами» [Славянские древности I, 1995, 180]. Сегодня на свадьбе тоже можно встретить битье посуды: «Вот в сентябре мы ходили на свадьбу, там в начале банкета ведущий в пакет положил *бутылку или бокалы* – не вспомню

– *жених и невеста их разбили*. Вроде, на счастье» (А/р Екатеринбург, 2015). Сейчас организаторы свадеб связывают битье посуды только с пожеланием счастья молодым, так как элементы, говорящие о переходе девушки из одного статуса в другой, исчезли. «Сначала на 2 день подали уху, но у гостей не было приборов, их они должны были выкупить, внося деньги в семейный бюджет молодоженов» [А/р Миасс, 1987]. Традиция с продажей столовых приборов бытовала довольно долго. Возможно, это связано с тем, что традиция «собирать» деньги довольно старая (когда девушки пели гостям припевки, гости должны были класть мелочь, или невеста обходила гостей с блинами и те ей платили). Сегодня же количество «денежных конкурсов» на свадьбах заметно сократилось.

Рефлексия информантов по поводу соблюдения традиций:

«В моей семье очень ценят традиции и следуют свадебным обрядам. И мои родители последовали примеру своих родителей, папа выкупал невесту (маму), а мама наряжалась в красивое белое свадебное платье» [А/р Озерск, 1972] // «Соблюдались все традиции, присущие свадьбе: хлеб да соль, поздравления, подарки, песни под баян один из родственников играл, и под магнитофон» [А/р Аркалык, 1992] // «-Хорошо, как проходила подготовка к свадьбе? -Никак, я работал на двух работах, вот и вся моя подготовка к свадьбе. Твоя мама этим занималась, это она всю эту чушь придумала. *Далее из текста ясно, что под чушью понимается выкуп и пр. «традиционные» элементы обряда – курсив мой В. А.*» [А/р Югорск, 1995] // «По мысли Евгении, свадьба была выдержана в традиционном стиле. Торжество включило в себя множество русских традиций. *Традиции – выкуп, торт, похищение невесты, собирание денег в ползунки – курсив мой В. А.*» [А/р Благодарный, 2009] // «Остальные родственники, в том числе моя мама, в лучшем случае просто расписывались, игнорируя традиции. Наверное, поэтому все и развелись, кроме моей тёти Жанны» [А/р Омск, 2014] // «а удивительным в ней мне показалось то, что молодожены отказались от

традиционного бракосочетания: не было ни хлеба с солью, ни росписи у свадебной арки, ни выкупа, ни отца невесты, который бы за руку вел ее под венец» [А/р Екатеринбург, 2018].

Анализ наших примеров показывает, что зачастую информанты и скрипторы оценивают «традиционность» свадьбы, исходя из современных представлений о свадьбе и тех свадебных символов, которые сегодня прочно закрепились в обряде (каравай/хлеб-соль, белое платье и пр.). Можно заметить, что порой в представлении скриптера все известные ему традиции (русские, американские, европейские) сливаются в единые «свадебные» традиции. Примечательно, что некоторые оценивают традиции как «чушь», некоторые же связывают следование традициям (выкуп, белое платье, каравай и пр.) и счастье в семейной жизни.

Сознательный отказ от народных традиций:

«Мы боролись с Ваниной мамой, чтобы она не принесла нам каравай» [А/р Екатеринбург, 2022] Иногда можно увидеть сознательный отказ от традиций. Зачастую он продиктован осознанной подготовкой молодоженов к торжеству (они заранее планируют свою свадьбу, мыслят свадьбу именно как «свой праздник» и не готовы «пускать» туда других людей) и желанием строго соблюсти выбранным ими формат или стиль.

Мы говорили о том, что исчезновение традиций народной свадьбы — не означает исчезновения свадебных традиций вообще. Свадьба по своей природе - ритуальное действие, поэтому, когда происходит «отсечение» непонятных традиций, обряд нуждается в новом наполнении, тогда, как правило, происходит заимствование или изобретение обрядовых действий.

Приведем несколько примеров. Стоит сказать о подвязке невесты. Это относительно новая деталь в свадебном обряде. Хотя считается, что в Европе свадебные традиции с подвязкой известны давно. Но в Россию традиция кидать подвязку на свадьбе пришла не так давно. Скорее всего, эта традиция пришла к нам с Запада в 1990–е годы. И сейчас она встречается, хотя и не так

часто. Из 30 текстов периода 1990–2019 подвязка встретилась лишь дважды: «Жених кидал *подвязку*» (А/р Екатеринбург, 2014) // «Мальчики угадывали, у кого из девочек *подвязка*» (А/р Екатеринбург, 2015). Смысл этого свадебного действия, скорее всего, только гадательный и легкий эротический.

Традиция, связанная со *свадебным букетом*, несомненно, городская: в традиционной крестьянской свадьбе букета не было, так как свадьбы чаще всего справлялись осенью и зимой. Считается, что букет как свадебный аксессуар распространился по Европе после свадьбы королевы Виктории и принца Альберта. Хотя в более теплых климатических поясах цветы как украшение невесты могли использоваться из-за благоприятного климата. Г. В. Жиронова в монографии «Брак и свадьба русских горожан» упоминает о букете, как о необходимом атрибуте невесты с XIX века [Жирнова 1980, 53]. В наших текстах букет начинает появляться повсеместно (как в деревенской, так и городской среде) с 1980–1990-х годов. Эта традиция сложилась под влиянием городских традиций из-за размывания границ село-город. Букет является неотъемлемым образом невесты, и информанты обязательно упоминают о букете. Букет может быть подарком жениха, как изначально и предписывается традицией: «*Цветы* жених подарил очень красивые – белые большие хризантемы» (А/р Свердловск 1977) // «Папа привез мне *букет* невесты. Он был из белых роз» (А/р Миасс, 1987). Сегодня же очень часто невесты сами заказывают себе букеты: «*Букеты* для невест тоже были по случайности проданы другим. <...> Но потом салон цветов привез 3 букета на выбор» (А/р Екатеринбург, 2008). Так происходит вследствие того, что букет становится частью образа невесты, который продумывает и реализует сама девушка. Кроме того, букет обретает некоторые неожиданные функции, например, гадательную. Невеста кидает букет, и кто из подруг его поймает, та и выйдет замуж следующая. Д. В. Громов пишет: «Обычай кидать букет подружкам невесты был усвоен российскими невестами из многочисленных американских молодежных фильмов» [Громов, 2012, 48]. Эта функция у

букета активно эксплуатируется, более того – возникают гендерные пары: «Я кидала *букет*, муж – *бутоньерку*» (А/р Екатеринбург, 2015).

Появилась пришедшая с Запада мода устраивать свадьбы в определенном стиле или цвете, информанты отмечают это так: «*Зеленый*, т. к. венчание проходило в день св. Троицы» (А/р Екатеринбург, 2012) // «*Цвет чернично-брусничный*» (А/р Екатеринбург, 2015). В двух текстах встретилось интересное пояснение информантов относительно цвета свадьбы: «[Был ли какой-либо цвет свадьбы?] Нет. Мне сама идея нравится, но, объективно оценив список приглашенных, мы поняли, что нам такой формат не подойдет, они вряд ли захотят так заморачиваться» (А/р Екатеринбург, 2014) // «У нас свадьба была в узком семейном кругу, т.е. не было определённой тематики или *цвета*» (А/р Екатеринбург, 2013). Если в первом случае вопрос про цвет был задан информанту специально, то во втором случае информант сам упомянул о цвете и стиле свадьбы. Значит цвет, стиль торжества становятся актуальным вопросом для будущих молодоженов. Здесь чувствуется определенное влияние западной, в первую очередь, американской традиции.

Подводя итоги, можно сказать, что современные свадьбы все больше и больше утрачивают народную обрядность. Конечно, нами были озвучены не все традиции, как народные, которые мы наблюдаем в современной свадьбе (традиция благословения караваем, осыпание молодых и пр.), так и современные (выездная регистрация, первый танец молодых, традиция весить замочки на мостах и пр.) это связано с тем, что сама по себе тема представляется очень объемной и требует отдельного осмысления. На наш взгляд, изменения касающиеся обрядовой стороны свадьбы, связаны с процессами десакрализации обряда, глобализации и универсализации обряда в целом.

2. 1. 3. Хронотоп свадьбы в устных рассказах: «подходящее и не подходящее» время и место

Под хронотопом мы будем понимать, прежде всего, место и время свадьбы, а не всю бахтинскую парадигму значений¹. Вводя категорию свадебного хронотопа, нам бы хотелось обратить внимание на то, как с течением времени меняется представление о «подходящем» свадебном хронотопе у участников обряда.

В традиционной сельской, да и в городской культуре, существовали ограничения на время проведения свадеб. Т. В. Зуева и Б. П. Кирдан пишут: «Обычно свадьбы играли осенью: от Покрова (1 октября) до Филиппова заговенья (14 ноября); или зимой: после Крещения и до масленицы» [Зуева, Кирдан 2002, 89]. Эти особенности связаны с сельскохозяйственным кругом русского крестьянства, где на весну и лето приходится пик аграрных работ. В городской культуре, не зависящей от земледельческих работ, тоже существовали ограничения, связанные с совершением таинства венчания². Сейчас же для проведения свадеб нет никаких ограничений, ограничения на венчания же сохраняются, поэтому молодые, особенно не воцерковленные, свободны выбрать любое время.

¹ Хронотоп (дословно «время-пространство») – единство пространственных и временных параметров, направленное на выражение опр. (культурного, худож.) смысла. Впервые термин Х. был использован в психологии Ухтомским. Широкое распространение в литературоведении, а затем в эстетике получил благодаря трудам Бахтина [Ирза 1996]

² «Венчание не совершается по вторникам и четвергам (накануне среды и пятницы), ибо предстоящая ночь – постная. По этой же причине не совершается венчание и в субботу: ночь с субботы на воскресенье посвящена Богу. Церковное таинство брака не совершается в великопостный период, начиная с субботы мясопустной недели, в течение сырной седмицы (Масленичной недели), самого Великого поста и последующей Пасхальной недели. Венчание также не совершается: в Петровский пост (с 12 по 29 июня), в Успенский пост (с 31 июля по 15 августа), в Рождественский пост и на Святках (с 12 ноября по 7 января). Кроме того, венчание не совершается накануне 12 важнейших церковных праздников (так называемых двенадцатых): Рождества, Крещения, Сретения, Благовещения, Входа Господня в Иерусалим, Вознесения, Троицы, Преображения, Успения Богородицы, Рождества Богородицы, Воздвижения Креста и Введения во храм Богородицы. Не венчали накануне храмовых праздников и в день (а также накануне) Усекновения главы Иоанна Предтечи (29 августа)» [Зуева, Кирдан 2002, 89]

Сегодня свадьбы играют круглый год (однако пик торжеств приходится с мая по сентябрь). Обращаясь к текстам, мы видим, что не всегда свадебный хронотоп обусловлен личными предпочтениями участников обряда. Среди собранных нами нарративов есть такие, где время свадьбы было выбрано спонтанно и даже не главными участниками обряда: «[то есть я так понимаю, что дату свадьбы вообще, время, как бы выбрал отец Иероним?] Да, да, то есть он вот так вот нам сказал, и как обухом по голове, то есть мы бы когда в лето, там, к осени поближе, когда деньги, когда там, знаешь, все смогут, когда там сами как-то там сообразим, что действительно, что сейчас вот берем и женимся, а тут бах» [И. Алаытрь, 2003] // «[А у вас летом была свадьба?] Да, это было 25 июля. [А вы хотели летом?] Нет, так получилось, нам вообще было все равно, нам нужно было пожениться. Мы не сказать, чтобы к этому готовились, мы очень ждали, что батюшка наконец-то скажет “да!”» [И. Ульяновск, 2014] // «Вот, а так все, мы как бы все решали вместе и по поводу формата, а, ну нас как бы у обоих драма, поскольку была мысль как бы изначально делать это летом. Было одно видение, а потом, когда мы решили, что мы делаем это сейчас, мы как-то разу пришли как бы вот к такому выбору <...>. А, ну нас по... так получилось, что была свадьба в два дня, то есть тринадцатого числа мы расписались, потому что нам нужно было побыстрее инициировать весь процесс оформления там юридических документов, чтобы Виталик уже в полк поехал с документами на жену» [И. Екатеринбург, 2021]. Из этих текстов видно, что время свадьбы обусловлено иными обстоятельствами, нежели желанием жениха и невесты – на выбор времени обряда влияет авторитетное мнение другого человека или же обстоятельства жизни, связанные с издержками профессии, как например, в последнем тексте время свадьбы было выбрано с учетом военного отпуска жениха.

По данным других нарративов видно, что молодые планируют торжество, ожидая подходящего времени: «Стали думать вообще, как насчет

свадьбы. Решили, что она будет в следующем году, следующим летом, потому что нужно было собрать деньги. Летом, потому что тепло» [И. Екатеринбург, 2016] // «Мы сначала хотели в октябре, потому что там Покров, но как-то мама мне сказал, что там холодно, и я такая да, не хочу октябрь. И мы к сентябрю присмотрелись, а именно 15 сентября, потому что день Петра и Февронии» [И. Екатеринбург, 2019] // «Важное значение информант придает месяцу, в котором состоялась свадьба. Брак, заключенный в июне, обещает быть долгим и счастливым» [А/р Орск, 1967]. Мы видим, что на выбор времени проведения свадьбы могут влиять религиозные убеждения, верования, погодные предпочтения (зачастую информанты говорят, что хотят летом, потому что тепло).

Локусы традиционного свадебного обряда долгое время были строго регламентированы. За каждым местом были закреплены прагматическая, а также символическая и обрядовая функции. Все этапы свадьбы: сватовство, венчание, пир, испытание молодых etc. проходили в определенных традицией местах: дом невесты, церковь, дом жениха. Сакральность мест коррелировала с теми действиями, которые там совершались. В начале XX века произошли серьезные общественно-политические изменения, что привело к трансформации свадебного обряда: свадебные локусы изменились, их география расширилась.

Первый локус, который претерпел изменение – это церковь. Венчание заменяется регистрацией брака в ЗАГСе. Привычная сегодня процедура регистрации брака сложилась только в 1950-1960-х гг. Постепенно пространство ЗАГСа стало восприниматься как торжественное. В ЗАГСе появляются свои традиции: например, вынести невесту на руках из ЗАГСа, в этот локус «притягиваются» традиции старые – осыпание молодых зерном, мелочью. В традиционном обряде молодых осыпали после венчания, а сейчас после ЗАГСа. Несмотря на то, что в ЗАГСе регистрируют не только браки, залы торжественных регистраций особенно оформлены. Именно в 1950–

1960 годы там появилась привычная символика: голуби, сердца, кольца и т.д. Однако, надо сказать, что сегодня и ЗАГС постепенно утрачивает свой исключительный статус места, где заключаются браки, в связи с тем, что появляются возможности выездных регистраций (об этом ниже).

Наряду с ЗАГСом новым локусом для свадьбы становятся кафе и рестораны. В силу понятных причин традиция праздновать свадьбу в кафе довольно поздняя. В наших текстах мы фиксируем перенос празднования из дома/квартиры в кафе в 1970-х годах. «Мы, значит, там. Регистрация. Потом поехали в ресторан» [И. Свердловск, 1974]. Однако в 1970-е это явление не было массовым, у нас в коллекции есть свадьба 1977 года, где застолье проходило дома: «Нас пофотографировали (имеется в виду в ЗАГСе), и мы уехали домой. Никуда не ездили. Ни к памятникам, ни по городу, никуда. Дома уж столы ставить, еду [И. Свердловск, 1974].

Однако с каждым годом свадьбы в кафе и ресторане становятся все более обычным явлением. Дома люди не собираются, за очень редким исключением.

Вообще локус «дом» в свадьбе появляется все реже, то есть свадьбы все реже и реже проводятся на квартирах, и даже сборы невесты зачастую сегодня проходят в отелях, где справляется свадьба. Раньше девичник, сборы невесты – все проходило дома. Сегодня, все чаще девичник проходит на природе, в отеле или студии. Приведем примеры: «Правда, на девичник тоже не все пришли. Ну, и сходили в парк Маяковского, как бы, там, покатались немножко, и потом девочки, вот, сделали мне фамилию мою, привязанную к шарикам, вот, и я ее, как бы, символично, как бы, отпустила в небо. Потом мы пошли в дендрарий у цирка, и там мы, ну, как мини-пикник, ну там посидели» [И. Екатеринбург, 2016].

Так же сегодня все популярнее становится вариант фотосессии утра невесты не дома, а в отеле. После застолья молодые так же часто едут не домой на первую ночь, а в отель: «Родители подарили, можно сказать, ну,

свадьбу. И, как подарок, ещё преподнесли, что вот, типа, отель. [А почему вы решили именно в отель поехать?] Ну, а куда? Ну, в смысле, я не знаю. Ну, как?! [Первая брачная ночь?]. Ну, да! И... не домой. Вот. И, то есть, кстати, вот это мы не обсуждали, и потому что сказали, что вроде как это будет типа подарка. И мы не знали, куда. Вообще. [И куда, в итоге?] «Онегин». Ну, там, такой, прям, хороший номер был».

Здесь мы видим яркое проявление вариативности современной обрядовой сферы. Форматы и варианты проведения торжества обсуждаются молодыми и выбирается оптимальный вариант: «У нас были варианты, что мы делаем банкет, то есть, как стандартно, там ЗАГС, банкет – как, как всегда, или мы делаем, то есть, там ну, зовем, ну, кто хочет, приходит в ЗАГС, потом фуршет, и потом, мы улетаем в свадебное путешествие. Либо мы вообще, м-м-м, там, ну кто-то говорил, что бывает такое, что прямо в аэропорту делают фуршет. То есть такое, то есть, не тратиться на саму свадьбу, а именно все в путешествие вложить. Но, потому что денег жалко было, и на самом деле Тёма не очень хотел прямо пышную свадьбу, ему было не надо, как я больше хотела. Потому что, когда мы обсуждали фуршет, мы прямо очень долго думали, что мы прямо сделаем фуршет, но мне все равно надо было, чтобы все были в платьях, чтоб все были красивые, чтоб все пришли, еще чтобы все подарки принесли. А вот так не получалось. То есть это надо было тогда в этом случае делать нормальную свадьбу. Но тем не менее мы долго искали место, то есть, мы думали даже сделать там типа Victory–парке, там в беседках, там, как прямо такое небольшое празднование, но позвать типа вот всех. В общем, потом было такое дело то, что, то есть это вот именно, именно это решалось с моей стороны, со стороны моих родственников. Вот, короче. [Место?] Да, место. В общем, были ссоры, у меня с мамой и Масловыми, потому что мы не могли придти все-таки к одному решению, где именно справлять, и в конце концов, они сказали: «Все!» А причем это уже было, уже прямо перед свадьбой, оставался, ну

месяц, наверное» [И. Екатеринбург, 2016]. Таким образом, мы видим, что сегодня с каждым днем становится все больше доступных вариантов, однако коммуникация между сторонами жениха и невесты по-прежнему остается одной из важных сюжетных линий свадебных нарративов, и непосредственно связана с выбором локации торжества.

Конечно, изменения происходят постепенно, но их ход не остановим. В современной свадьбе мы наблюдаем причудливое сочетание народных, городских и европейских традиций. В частности, традиции выездных свадеб пришли к нам именно из Европы. Наши материалы показывают, что на место проведения свадьбы влияют не только культурные традиции, но и мода, и личные предпочтения участников обряда. Сегодня обрядовые возможности конкретной семьи расширены свадебной индустрией. Организаторы и агентства предлагают различные форматы свадьбы: традиционный, европейский и пр. В современном обряде нет жесткого закрепления функции за локусом. Таким образом некоторые локусы ушли вместе с этапами свадьбы (как например, баня), некоторые трансформировались (дом сменился рестораном/кафе), некоторые стали факультативными (церковь), появились новые (городские парки, мосты «влюбленных»).

Отдельно надо сказать про фотосессии и поездки по городу. В послевоенное время была традиция ездить по памятникам боевой славы. Дмитрий Громов связывает эту традицию с памятью предков. Потом эта традиция изменилась, молодые стали посещать просто популярные места. Сейчас же, акцент делается на фотосессии, а не на посещении каких-то особых мест. Для фотосессии часто выбираются парки или другие природные локации, для информантов важен в первую очередь эстетический критерий.

На наш взгляд, эти изменения связаны с процессами десакрализации обряда, глобализации и универсализации обряда в целом.

2. 2. Гипертекст

Гипертекст – термин, пришедший в литературоведение из компьютерной терминологии. И. Р. Купер в статье «Гипертекст как способ коммуникации» подробно освещает вопрос истории и эволюции термина в науке. Он пишет: «Гипертекст представляет собой крайне расплывчатую и вместе с тем широко используемую концепцию. Гипертекстом называют Интернет, энциклопедию, справочник, книгу с содержанием и предметным указателем, а также любой текст, в котором обнаруживаются какие-либо ссылки (указания) на другие фрагменты» [Купер 2000, 42]. В литературоведении под гипертекстом понимается система ссылок внутри произведения и нелинейная форма повествования [Чилингир 2011, 16]. Литературоведы, говоря о гипертекстах, чаще всего имеют в виду тексты, написанные в постмодернистской парадигме. К классическим текстам такого рода относят роман-лексикон М. Павича «Хазарский словарь» и некоторые другие [Там же: 17].

В фольклористике термин *гипертекст* активно использовала Т. Б. Дианова «Гипертекстовые единства в живой фольклорной традиции» (2002), в том же смысле с ним работают А. А. Иванова «Гипертекстовые системы как феномен локальной фольклорной традиции» (2003), Н. В. Дранникова «Соловки в устной религиозной прозе жителей города Архангельска» (2019).

Т. Б. Дианова определяет *гипертекст* как разные тексты в естественной форме существования, связанные между собой тематически и контекстуально [Дианова 2004, 9]. А. А. Иванова, изучая локальные фольклорные традиции, опираясь на работы Т. Б. Диановой, пишет, что «в реальном процессе бытования отношения между фольклорными текстами разной жанровой природы организуются как многоуровневые, гипертекстовые» [Иванова 2003]. Это означает, что и восприятию информанта разнообразные жанровые «клише» существуют не изолированно, не автономно – «Они связаны друг с другом, и имеют

тематическую, мотивную или поэтическую общность, и образуют своеобразные жанровые и сюжетные «пучки» (или гипертекстовые системы)» [Там же]. А. А. Иванова, вслед за Т. Б. Диановой, считает, что примерами таких гипертекстов можно считать интервью: «Как правило, такое интервью представляет собой полилог, в котором отдельные произведения соплагаются на основе ассоциативных связей, возникающих в сознании конкретного исполнителя»» [Там же]. Н. В. Дранникова, работая с интервью и устными рассказами, пишет про гипертекст так: «Гипертекст включает в себя систему разножанровых вербальных текстов» [Дранникова 2021].

Уточним собственное понимание термина «гипертекст». Под «гипертекстом» мы понимаем, во-первых, собственно гипертекст-интервью, когда свадебный нарратив «распадается» на несколько нарративов; во-вторых, систему сюжетных «пучков» или мотивов.

Сегодня принципиально меняется подход к сбору фольклорного материала. На смену жанрово ориентированным опросникам (когда фольклористы просили информантов рассказать, например, предания или легенды про клады или пр.) приходит более свободный метод интервьюирования. Современные методы сбора материала, опираясь на цифровые методы фиксации, предполагают больше свободы для информанта, и это пространство свободы понимается учеными как ценность. Следуя опроснику и импровизируя, исследователь слушает и записывает цельный нарратив, в котором впоследствии выделяет некоторые жанровые установки, «включения» и мотивы.

Для нашего исследования такой подход актуален, мы сосредоточимся на анализе имеющихся интервью, в которых покажем, каким образом, во-первых, интервью может «сливаться в “своего рода гипертекст”, который обладает нелинейностью и многоуровневостью» [Алексеевский 2011: 43], и, во-вторых, выделим мотивы/пучки, которые появляются в наших текстах

2. 2. 1. Гипертекстуальность свадебных нарративов в интервью

Мы видим, что иногда собственно свадебный нарратив «распадается» на множество нарративов. Т. Б. Дианова считает, что «рассказы о свадьбе изобилуют завершенными в сюжетном и художественном отношении выразительными повествованиями» [Дианова 2004: 13].

Приведем пример. Мы просили информанта рассказать о себе: «Сколько тебе сейчас лет, откуда ты родом, где училась, где живешь сейчас» [И. Алатырь, 2003]. На такого типа вопрос информанты отвечают по-разному: кто-то отвечает только на поставленный вопрос – даты, факты, кто-то рассказывает «свою историю», как в нашем примере.

На поставленный вопрос информант рассказывает о школе, своей юности и поступлении в училище: «Так, ну значит мы родом с Екатеринбурга, <...> училась я в школе народной культуры, и затем, в 19 лет я уехала в Нижний Новгород и поступила в женского нижегородское духовное училище, там отучилась 4 года, там два направления было, не факультеты конечно, а направления, это регенты и золотошвейки, я пошла на золотошвейку, ииии, получила там духовное образование, окромя как швейного, мне очень там понравилось, то есть действительно, я после школы работала с мамой в интернате для детей с особенностями: олигофрены, дцпшники, ну там даунов не было, ну в общем вот эти тяжелые дети для них был интернат, и мы с мамой там работали, рукоделие какое-то им преподавали, с наклоном фольклорным <...> Я спрашиваю дядя Володя, а он, я теперь не дядя Володя, я теперь отец Владимир. Батюшки, что же это такое, что за новшество, а потом - он уже уходит от нас, и я спрашиваю про Женю, так как мы с Тепловой Женькой учились вместе, я спрашиваю, а где вот сейчас Женька, а он говорит, она учится, значит, в Нижнем Новгороде, в духовном училище, так оп! интересно, думаю, что-то Женьку туда поперло, чего-то там не плохо, чего-то там интересно, а как там с ней созвониться? Он мне дал адрес, я написала, спросила, а она мне говорит, если ты хочешь

поступить, вот надо знать «Символ Веры», «Отче наш», все вот эти начальные молитвы, тропарь своему святому, молитвы утренние, вечерние, и там все» [И. Алатырь, 2003]. Конечно, это не единичный пример.

В другом нарративе нам встретилась история о том, как один из информантов расстался с вредными привычками: «А вышла, такой парень хороший, парень добрый, парень щедрый, такой какой-то не пьёт, не курит. Не ругается. О.О. Уже не пьёт. М. Да, в шесть лет бросил курить, в семь – пить! (все смеются) Вы не знаете эту историю? [Нет] Л. Василиса, записывай» [И. Свердловск, 1974]. Или мы встречаем не саму историю, а скорее именно ссылку, краткое упоминание: «Знаешь, я даже помню, как я пошла в детский сад, хотя мне было только три года. А люди, говорят, не могут помнить себя в таком возрасте. Помню, как в первом классе в одном слове умудрилась сделать сразу две ошибки» [А/р Балаклея, 1983] // «Я разревелась тогда, когда вышли вот первый раз, когда вышли батюшки поздравлять, и вот был отец Евгений Попиченко с матушкой Ольгой, с которой мы там за не... там, за несколько месяцев до этого прошли великорецкий крестный ход там, больше ста километров и я в прямом смысле на этом сло... в прямом смысле слова на этом крестном ходе чуть не умерла. Вот. И как бы, а я шла молиться вот именно там, чтобы господь супруга послал. И когда мы втроем с ней стоим и понимаем, что вот там, реально я там в июне месяце меня эвакуировали на туд... оттуда из-за того, что у меня сердце остановилось, а тут вот я стою в белом платье, и как бы вот действительно Господь услышал, как бы и помог» [И. Екатеринбург, 2021]. Как правило, мы видим, что истории связаны со свадьбой не напрямую, но косвенно. В данном примере в рассказ о свадьбе включается множество небольших, но самоценных цельных повествований. Такие включения всегда значимы, поскольку это способ, каким человек осуществляет репрезентацию «себя сегодняшнего» в беседе с исследователем, привлекая ресурсы автобиографической памяти и ее нарративов.

2. 2. 2. Гипертекстовые «пучки»/мотивы в свадебных нарративах

«Мотив – устойчивый смысловой элемент литературного текста, повторяющийся в пределах ряда фольклорных (где мотив означает минимальную единицу сюжетосложения) и литературно-художественных произведений. Мотив может быть рассмотрен в контексте всего творчества одного или нескольких писателей, какого-либо литературного направления или литературы целой эпохи, а также отдельного произведения. В поэзии воплощается в ведущих темах, символах, сюжетных ситуациях, образах. Мотивом нередко называют элементарную, неразложимую тематическую единицу произведения» [Томашевский 1928, 136]. Применительно к нашему материалу мы используем термины «мотив» и гипертекстовые «пучки», в нашем понимании данные термины вполне равнозначны.

В расшифровках / транскриптах интервью хорошо просматриваются такие мотивы, как знакомство, предложение, благословение, «утро невесты» и пр. Кроме того, мотивы можно рассматривать и опираясь на мотивный анализ, разработанный Б. Гаспаровым. Его представление о том, что текст, скорее, напоминает « клубок ниток », нежели четкую кристаллическую решетку, коррелирует с устным характером наших автобиографических нарративов, которые создаются спонтанно, без какого-либо плана со стороны информанта, однако насыщены повторяемыми фрагментами (мотивами)¹.

¹ Мотивный анализ – разновидность постструктуралистского подхода к художественному тексту и любому семиотическому объекту. Введен в научный обиход профессором <...> Борисом Гаспаровым в конце 1970-х гг. Находясь в эпицентре отечественного структурализма и испытывая непосредственное влияние Ю. М. Лотмана и его структурной поэтики, автор М. а. отталкивался именно от этого направления, стремясь к тому, чтобы все делать наоборот. Там, где в структурной поэтике постулировалась жесткая иерархия уровней структуры текста (ср. структурная лингвистика), М. а. утверждал, что никаких уровней вообще нет, мотивы пронизывают текст насквозь и структура текста напоминает вовсе не кристаллическую решетку (излюбленная метафора лотмановского структурализма), но скорее запутанный клубок ниток. Суть М. а. состоит в том, что за единицу анализа берутся не традиционные <...> слова, предложения, – а мотивы, основным свойством которых является то, что они, будучи кросс-уровневыми единицами, повторяются, варьируясь и переплетаясь с другими мотивами, в тексте, создавая его неповторимую поэтику [Руднев 1990, 101].

Мы выделили пять значимых и интересных, на наш взгляд мотивов: м. знакомства, м. предложения/сватовства, м. благословения, м. ситуации «утра невесты», м. вещего сна.

Мотив знакомства

Мотив знакомства в историях о бракосочетании играет очень важную роль. Прежде чем случится «и жили они долго и счастливо», главным героям нужно познакомиться. Несмотря на то, что в нашем опроснике нет прямого вопроса про знакомства (см. приложение №1), реципиенты всегда рассказывают историю знакомства, первой встречи, даже если их спрашивают о другом: «мы с ним *познакомились* в Ульяновске <...> Я попала в больницу с гайморитом. <...> в этой же больнице, в этом же отделении лежал мой будущий муж. Вот, там мы и *познакомились*, глупо, не знаю как детям рассказывать эту историю» [И. Ульяновск, 2014] // «*Знакомы* мы были очень давно. Мы *познакомились*, еще учась в школе, после 10 класса летом. Мы *случайно познакомились*» [И. Екатеринбург, 2008] // «Мы *познакомились* в сентябре 1976 года в колхозе» [И. Свердловск, 1977] // «[Почему вы решили пожениться?] <...> Интересно, ты знаешь, он пришел к нам в школу из другой школы. <...> Я так смотрю на него, и вот, я даже не могу объяснить, что но, вот что-то такое почувствовала, что-то меня такое пробило, вот, ну что может быть, если человек там вдалеке стоит и стоит. А я на него вот так глянула, там народу-то было, Господи, как на базаре, а вот его увидела. Что-то такое – раз как-то вот. <...> А сама-то как-то, что-то вот такое прошло через меня. Ну и всё» [И. Свердловск, 1974] // «Я совершенно не планировала вот за Евгения замуж, вот честно говоря, совершенно, совершенно, это он меня увидел, когда что-то тут приходил, приносил, ну в очередной раз тут родителям, да. <...> он мои ноги увидел, понимаешь, ноги в юбке, я не знаю где-то там, увидел и подумал, вот, это моя жена будущая, и потом меня уже увидел только» [И. Алатырь, 2003]. Из приведенных примеров видно, что о знакомстве рассказывают в любом случае, не дожидаясь вопросов о нем.

Таким образом, можно сказать, что мотив знакомства необходим для рассказчика и почти принудительно включается им в историю о свадьбе, хотя хронологически может быть значительно отделен от обряда. Интересно, что рассказ сопровождается такими ремарками как «случайно познакомились», «там мы и *познакомились*, глупо». Если случайность знакомства вещь довольно характерная, то второй комментарий вызывает интерес. Информант отмечает, что история знакомства в больнице глупая: больница, по ее мнению, – не лучшее место для знакомств, хотя никакого специального места для знакомств нет, люди знакомятся везде (в школе, в летнем лагере, в колхозе – примеры из наших интервью). Возможно, это связано с тем, что больница является особым местом, лиминальным, в ней люди либо выздоравливают, либо, что бывает не так часто, но все же бывает – умирают, и эта «пограничность» видимо и ощущается рассказчиком. Присутствие судьбы проявляется через появление значимого человека в «неготовом времени и месте» – в том топосе, где сам человек не планировал ничего подобного, был сконцентрирован на других проблемах.

К. Э. Шумов в статье «Мир больницы: Культурные стереотипы» отмечает: «Особое отношение к больным проявляется как в светской, так и в религиозной жизни. В светской – больной <...> выбывает из производственных отношений» [Шумов 2003, 267]. Можно добавить, что больной выбывает не только из производственных отношений, но из семейных, дружеских отношений тоже. Два последних примера мы включили потому, что в них рассказывается о первой встрече или даже скорее о первом впечатлении, которое становится судьбоносным. Можно отметить некую фаталистичность, о которой рассуждает рассказчик. На ум приходит строчка из автобиографического нарратива Татьяны в «Евгении Онегине»: «Ты чуть вошел, я вмиг узнала, // Вся обомлела, заплыла // И в мыслях молвила: вот он!» [Пушкин 1936, III, 415]. С. Б. Адоньева, рассуждая о суженом-ряженом, говорит о действующем культурном императиве –

матримониальном «ожидании суженого» [Адоньева 2009, 96]. Она же утверждает демоническую природу суженого в случае Татьяны [Адоньева 2009, 97]. Так появляется мотив «узнавания судьбы». Автобиографические нарративы наших современников конструируют узнавание судьбоносное, «настоящее», приводящее в счастливому браку.

Мотив сватовства/предложения

Сватовство является традиционным элементом народной свадьбы, рассказ о нем – устойчивый элемент текстов XIX века: «Невесту сговаривают за известного жениха, или сват, или сватья» («У крестьян и мещан здешнего уезда при свадьбах наблюдаются следующие поверья: Старики уговариваются между собою глаз на глаз, или засылают *сваху*» (ОГВ.1850 – здесь и далее, полное см. в списке источников). Стоит заметить, что многие информанты из сельской местности, где в традиции сохраняются обычно дольше, чем в городе: «Дедушка пришел свататься» [А/р Митки, 1976], «Через небольшой промежуток дедушка приехал из посёлка Атиг свататься» [А/р Нижние Серги, 1964]. Многие тексты начинаются именно со сцены сватовства: «В 1955 году к моему отцу сваты нагрянули» [А/р Белоруссия, 1955]. Сватовство, как необходимый элемент свадебной обрядности, настолько значим даже во в.п. XX века, что оно восстанавливается в действиях молодых и в рассказах, казалось бы, вопреки всякой логике. Так, часто молодые сначала решают пожениться, а потом отправляют сватов в дом невесты или просят разрешения на брак. Несмотря на то, что это противоречие кажется очевидным, такой логический парадокс никак не комментируется и никакой рефлексии у записывающего не вызывает: «Затем, приняв столь серьезное решение, решают пожениться. Жених отправляет сватов в дом невесты» [А/р Новобелоктай, 1971], «Общались, гуляли и, спустя полгода, дедушка сделал предложение. Он вместе со своей мамой приехал в дом к бабушке и просил у её родителей разрешения жениться в 1976 году» [А/р 1976]. В городской среде, особенно дворянской (в

купеческой среде сватовство сохранялось довольно долго) сватовства как такового не было, было предложение руки и сердца.

Выражение «предложить руку и сердце» по данным национального корпуса русского языка фиксируется в художественной литературе (А. Ф. Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея (1848)) первый раз в середине XIX века [НКРЯ: 1848].

В крестьянской среде в предложении не было нужды, поскольку оно заменялось институтом сватовства. В дворянской же среде молодой человек мог лично делать предложение девушке, хотя роль родительского согласия была немаловажна. Ю. М. Лотман так пишет по этому поводу: «Французский обычай – родителям решать судьбу детей – был не принят, осуждался. Английский обычай – совершенной свободы девушки – был тоже не принят и невозможен в русском обществе. Русский обычай сватовства считался чем-то безобразным, над ним смеялись <...>. Но как надо выходить и выдавать замуж, никто не знал. <...> Ритуал замужества в дворянском обществе XVIII — начала XIX века носит следы тех же противоречий, что и вся бытовая жизнь. Традиционные русские обычаи вступали в конфликт с представлениями о европеизме. Но сам этот «европеизм» был весьма далек от европейской реальности. В XVIII веке в русском дворянском быту еще доминировали традиционные формы вступления в брак: жених добивался согласия родителей, после чего уже следовало объяснение с невестой. Предварительное объяснение в любви, да и вообще романтические отношения между молодыми людьми хотя и вторгались в практику, но по нормам приличия считались необязательными или даже нежелательными» [Лотман 1994, 104]. Понятно, что традиция предложения существовала очень давно. В наших текстах второй половины XX века предложение описывается так: «после совместного летнего отпуска в Ялте, он (со слов бабушки) объяснился, сказал, что очень любит. "Давай будем вместе жить", – говорит» [А/р Свердловск, 1958] // «Отслужив, он первым делом поехал за бабушкой,

сделал ей предложение руки и сердца» [А/р Невьянск, 1972] – предложение делается просто на словах, без определенных церемоний. Несмотря на то, что традиция предложения существовала, видимо, всегда, факт дарения кольца с определенными словами традиция, кажется, для русского общества новая. Хотя, в царской России в городской среде традиция дарения такого кольца была обычным делом. Г. В. Жирнова пишет: «Как и в других сословиях горожан, в этот день (помолвки) жених дарил невесте кольцо с каким-либо драгоценным камнем. Обычай этот издавна имел широкое бытование в городе» [Жирнова 1980, 42]. В крестьянской среде, скорее всего, среди зажиточных крестьян, тоже бытовал такой обычай. Жених мог посылать девушке кольцо, и если девушка его принимала, значит, она согласна на брак: «Во многих местах при сватовстве, обручении, сговоре или венчании стороны обменивались К. Обычно жених посылал невесте К. вместе с другими подарками. Принятие или дарение К. служило знаком согласия девушки выйти замуж: «Без прстена нема разговора» [Без кольца нет разговора] (черногор.)» [Славянские древности II, 1999, 563].

Обратимся к истории этой традиции. В источнике 1815 года – «Geschichte der Oesterreichischen Monarchie von ihrem Ursprunge bis zum Ende des Wiener Freedens-Congresses» находим историю о том, как в 1477 году Мария Бургундская после предложения Максимилиана Габсбурга¹ отправляет ему письмо и кольцо [Genersichg 1815, 264]. Современная историк Зигрид Грёссинг пишет в своей работе, посвященной Максимилиану: «...Доктор Хесслер передал ей [Марии] письмо и кольцо, посланные далеким женихом» [Грёссинг 2005, 54]. Традиция дарить кольцо была в Европе распространена в конце XIX — начале XX веков. В 1886 году компания Tiffany выпустила свое знаменитое помолвочное кольцо. На сайте компании написано: «Главное помолвочное кольцо в мире» [URL: <http://www.tiffany.ru/engagement/shop/engagement-rings/>]. Сегодня, зайдя на

¹Максимилиан Габсбург в дальнейшем император Священной Римской империи Максимилиан I

сайт любого ювелирного магазина, можно увидеть раздел «Помолвочные кольца». Такое подробно описание истории помолвочного кольца мы приводим потому, что на сегодняшний день типичную Love story, заканчивающуюся свадебным тортом, трудно представить без жениха на одном колене и заветной коробочки с кольцом в его руке. Несмотря на то, что традиция такая существовала, видимо, почти всегда, в наших текстах история с кольцом появляется только в блоке современных. Трудно сказать, почему традиция исчезла, можно предположить, что в Советской России это считалось буржуазным пережитком.

По материалам нашего исследования видно, что дарение кольца фиксируется не раньше 2000-х годов: «Вам, когда делали предложение, дарили кольцо? – Нет. – Не было такой традиции? – Нет, ничего такого не было» (Анкета. О. 1993). В современных же текстах мотив предложения (события) и подаренного кольца очень силен: «Он сказал, <...> что дарит мне свою руку, которая будет меня поддерживать, и.. всю жизнь, и о том, что дарит свое сердце, которым будет любить меня. Потом, короче, он встает на колено, открывает эту коробку, там кольцо» [И. Екатеринбург, 2019] // «Я слышу, как он встает на колено. То есть, у меня закрадывается подозрение, я вообще не подозревала ни на секунду до этого, вообще, и тут я думаю – чего? Я с закрытыми глазами. <...> я открываю глаза – он стоит на одном колене, мне с кольцом. <...> я стою и говорю: "Ты серьезно?! Ты серьезно?!" Я беру кольцо, надеваю его на палец, а оно мне большое, оно с меня сваливается. <...> поэтому мы потом уменьшали это кольцо» [И. Екатеринбург, 2016] // «[Предложение он тебе делал? С кольцом?] Это было потом, уже когда перед самой-самой свадьбой. <...> Они с Филиппом [брат информантки – В.А.] съездили и купили кольцо. Это было как-то так, ну между делом, "А, ну и вообще, ты выйдешь за меня замуж. Вот тебе кольцо. Все, поехали дальше"» [И. Екатеринбург, 2008] // «[Он тебе делал предложение?] Да, почти сразу. [С кольцом?] Да, с кольцом, он не делал в классическом стиле, как это принято,

наверное, делать, <...> он привел меня на Сенатскую площадь, в центре, я не помню, вставал он на одно колено или нет, он преподнес мне колечко и сказал, такие какие-то слова, что мол. Он не ставил вопроса, он сказал как-то, что ты будешь моей женой, и всё, и там было утверждение и все. И я осталась в таком, то есть я поняла, что произошло, но меня ни о чем не спрашивали, и, как бы я так думаю, интересно, но я так была под впечатлением, что я пропустила этот момент» [И. Ульяновск, 2014]. Из приведенных примеров видно, что в современных текстах кольцо обязательно фигурирует, и это тексты последних 10 лет. Сам момент предложения описывается информантами очень подробно (в более ранних текстах ничего подобного нет). Важно место, где сделано предложение (Сенатская площадь, место первого свидания, звездное небо). Состояние девушки – это всегда «романтично», «трогательно», «волнительно». Интересно, что реакция девушек очень разная, почти у всех это удивление, в одном тексте информантка так описывает свое состояние: «Перед как мне ехать, блин, я так стрессанула. Очень сильно нервничала <...>, ну такое.. напряжение есть. <...> Я была в стрессе» [А/р Екатеринбург, 2019]. Хотя, до этого она говорит: «Я говорила подруге: "Я удивлюсь больше, если он не сделает предложения, чем если сделает"» [Там же], и несмотря на то, что этот момент ожидаем, он все равно вызывает некое потрясение. Предложение руки и сердца для девушки – несомненно очень сильное впечатление, которое запоминается. Социологи Е. Г. Лактюхина и Г. В. Антонова в статье «"Война невест": между потреблением и переживанием» рассуждают о влиянии свадебной киноиндустрии на свадебные сценарии «в жизни», они отмечают, что «предложение «руки и сердца» должно быть сделано «как-то», оно должно иметь сценарий, важный контекст, место, время» [Лактюхина, Антонова 2015, 82]. Данный тезис вполне подтверждается нашими текстами.

Мотив благословения

Родительское благословение, на первый взгляд, кажется архаикой. В «Капитанской дочке» А. С. Пушкина: «Я чистосердечно признался в том Марье Ивановне и решился, однако, писать к батюшке как можно красноречивее, прося родительского благословения» [Пушкин, т. 4, 1936, 374]. Современный читатель совершенно не понимает, в чем заключается проблема: захотел – женился.

Обращаясь к толковому словарю, читаем: «БЛАГОСЛОВЕНИЕ, –я, ср. 1. см. благословить. 2. Обращенная к Богу просьба о благодати, помощи. Б. Господне. С божьим благословением приступить к возведению храма» // «БЛАГОСЛОВИТЬ, –влю, –вишь; сов., кого-что. 1. У христиан: осенить крестным знаменем, выражая этим покровительство, согласие. Б. хлеб и воду. Б. жениха и невесту (давая согласие на брак). Благослови, владыка! (просьба, обращенная к архиерею). 2. перен. То же, что напутствовать (высок.). Б. на ратный подвиг. 3. Воздать благодарность кому-чему-н. (устар.). Б. судьбу. II несов. благословлять, –яю, –яешь. II сущ. благословение, –я, ср. Родительское б. Подойти под б. епископа» [Ожегов, Шведова, 2017, 49]. Необходимое значение для нас – первое: у христиан: осенить крестным знаменем, выражая этим покровительство, согласие. Неужели из-за простого согласия так трепетал юный Петруша Гринев? С. Б. Адоньева в лекции «Брак и свадьбы в дореволюционной России» говорит о том, что благословение в дореволюционной России носило характер юридического акта [Адоньева 2018b]. Этот факт чрезвычайно важен, так как он объясняет многие коллизии в литературе XIX века.

В собранных нами текстах также есть мотив благословения. Нужно ещё сказать, что в православной святоотеческой традиции благословение (духовника, старца, родителей) также носит характер императива: «– Когда говорят, духовник благословил сделать, что это значит? – Это значит велел» [Свешников, Свешникова, 2009]. В наших текстах такие примеры есть: «Он ко мне приезжает в училище как-то осенью и говорит, нас батюшка с тобой

благословил жениться, я говорю как, какой батюшка, он говорит, отец Иероним^{1 2} я говорю как так, чего, почему, почему без меня вообще, он говорит, ну вот так, я пришел как-то однажды к нему и он спрашивает, а ты, говорит с кем дружишь, а я говорю с Любой, отца Олега дочкой, он, ну все, вот и женитесь, говорит» [И. Алатырь, 2003] // «Когда мы познакомились, я познакомила его с родителями, и батюшка [здесь батюшка (отец Олег В.) отец информантки – В. А.] сказал: «Ну, вот вам год, подумайте» <...> мы очень ждали, что батюшка наконец-то скажет да <...> [муж] понимал, что надо просто подождать разрешения, благословения <...> батюшка сказал все, благословляю вас. Хорошо, мы подали заявление» [И. Ульяновск, 2014]. Из этих двух примеров видно, что благословение носит императивный характер. В традиционной свадьбе существовала два вида благословения. Первый мы описали выше: это благословение как разрешение на брак. Второй вид – сам ритуал благословения. И. Я. Стяжкин описывает это так: «Начинается обряд благословения иконой и хлебом с солью. Отец берет икону и встает перед сыном, который трижды падает в землю и крестится. <...> После этого отец передает икону матери. <...> Затем отцу берет хлеб с солью <...> и благословляет им сына» [Стяжкин. // Ч. 1914]. Примечательно, что то же самое проводится с невестой, и после венчания родители снова благословляют молодых иконой и хлебом с солью [Стяжкин. // Ч. 1914]. С. Б. Адоньева в лекции «Мистерия крестьянской свадьбы» говорит о том, что многократное повторение одних и тех же действий (например – молодых благословляют несколько раз) характерно для русского свадебного обряда [Адоньева 2018с], поэтому, не удивительно, что ритуал благословения повторяется не единожды. В рассказах о современных свадьбах встречаются и описания ритуала благословения: «Когда мы собирались, бабушка вышла к

¹ Отец Иероним 1952-2013, архимандрит Русской православной церкви, наместник Свято-Троицкого монастыря города Алатырь. Почитался как прозорливый старец.

² Старчество не есть иерархическая степень в Церкви, это особый род святости [Ильюнина]

нам с иконой. И благословила нас. Это было очень волнительно <...> Был хлеб – соль» [А/р Екатеринбург, 2014]. В данном тексте интересно, что инициатором благословения выступает бабушка, она, видимо, помнила или, может быть, знала, что такую традицию надо соблюсти, и сделала все, согласно ей.

Мотив сна

Мотив сна встретился нам всего два раза, но мы решили о нем сказать, так как сон в традиционной культуре имел гадательную функцию, особенно в ситуациях рубежных, переходных, лиминальных. Сон, приснившейся невесте в ночь перед свадьбой после девичника, считался вещим, он, по преданиям, определял дальнейшую замужнюю жизнь девушки [Карташев 2013, 151]. В наших текстах такого не встречается, но вещие сны, связанные с замужеством есть: «А кстати, мне в детстве, вот сейчас вспомнила, когда мне было 15, 16 лет, приснился сон, что как будто мой дом, наш семейный дом, деревянный, хотя мы жили в девятиэтажке, а тут дом, такой красивый, с такими всякими балясниками, крыльцо такое высоченное, и на этом крыльце можно было как что-то типа терраски такой. И там Вера сидит, в таком, знаешь, красивом платье <...>. А я иду вниз, рядом с нашим домом прохожу, и под руку держу кого-то, ну и я как бы понимаю, что это муж, но его не вижу, просто держу, и Вера мне говорит: «Люба, ну ты же знаешь традиции, нельзя младшей сестре выходить вперед старшей». Вот такой был момент, и действительно я вышла вперед, и потом уже Верунька вышла через несколько лет» [И. Алатырь, 2003] // «В эту ночь [перед предложением] мне снился сон, что он мне, он подарил, сделал предложение, ну там было так, что он ничего не сказал, но все было понятно. Он дарит мне кольцо <...> я его приняла» [И Екатеринбург, 2019]. Мы выделили эти два фрагмента, так как сон здесь является прямо пророческим, нежели вещим, содержащим метафоры, которые нужно истолковать с тем, чтобы понять их скрытый смысл.

Мотив «утра невесты»

В современной свадебной индустрии широко распространена фотосессия «утро невесты». На сайте weddywood даже предложен список обязательных кадров: «*Утренний будуар*. Только ты, красивый номер в отеле (или задекорированная природная площадка), изящное будуарное платье/халатик и бокал шампанского в руке. *Завтрак*. Вовсе необязательно фотографировать весь завтрак: достаточно просто кадра с кружечкой кофе или стаканом сока» [Weddywood URL: <https://weddywood.ru/utro-nevesty-spisok-objazatelnyh-kadrov/>]. Множество невест идут на такую фотосессию и потом выкладывают фотографии платья, себя и пр. Поэтому мы посчитали необходимым включить в опросник тему «утра невесты». Оказалось, что ни у кого, даже среди самых молодых информанток, такой фотосессии не было (отсутствие фотосессии во множестве нарративов связано с тем, что во-первых, удовольствие это отнюдь не дешевое, а во-вторых, свадебная индустрия на сегодняшний день – это в первую очередь бизнес, поэтому всевозможная реклама подобных фотосессий – заказ рынка, формирующего спрос, а не потребителей), но про само утро перед свадьбой люди рассказывают очень охотно. Они помнят детали того дня/утра даже спустя десятилетия, и ярко описывают свои эмоции. Психологи В. В. Нуркова и А. А. Гофман в статье «Забывание: проблема наличия следа памяти, его доступности и намеренного контроля» отмечают, что «Автобиографическая память обеспечивает более надежное удержание в сознании позитивных воспоминаний» [Нуркова, Гофман 2016, 6].

Приведем некоторые примеры из текстов: «Утро невесты было спокойное и радостное – свадьба!» [И. Свердловск, 1977] // «Мне запомнилось, <...> что я открыла, я спала у мамы, ну в собственной квартире тогда <...>. И я вот с утра открываю глаза и вижу вот у меня на стене свадебное платье висит. И я такая, я выхожу замуж сегодня? Ну, было такое спокойствие такое. Так хорошо все было» [И. Екатеринбург, 2016].

Интересен на наш взгляд ещё один фрагмент: «Я тебе говорю, что вот утром проснулась, вот от того, что слышу, как это, плачут. Ага. Я открываю глаза. <...> тетка моя с мамой, видимо. И вот они это плачут. А я лежу на раскладушке с сервантом. А на серванте тетушка купила пионов. Такой большой-большой букет. Он с вечера такой красивый большой, а за ночь он осыпался. И оказывается, я лежу, жарко, лето, я под простыней, постеленное белье было белое, на этой раскладушке, проваленная, видимо, как покойница, с закрытыми глазами, вся в этих лепестках. Вот знаете, я когда открыла глаза, я обалдела <...>. И вот все это, видно, почти высыпалось на меня. Палки одни остались. Ни одного пиона не осталось. Все, все были на мне. Л.: Тетки, вишь, они по-своему оценили. М.: Да-да-да. Они меня проводили в последний путь. О.О.: ну, вот нормальная семантика свадьбы. Невеста – покойница. Надо ее оплакать. Архетип сработал. М.: Да, но они там как бы это пытались для себя расшифровывать, и как бы это не было знаком такой, что это ... О.О.: Скорбей. М.: Скорбей. Да, таким каким-то жутким» [И. Свердловск, 1974]. В процитированном фрагменте есть несколько важных моментов. Оговоримся, что в разговоре принимает участие информантка (М.), её муж (О. О.) и их дочь (Л.). Все они городские жители, свадьба проходила в 1974 году в городе Свердловске (сегодня Екатеринбург). На первый взгляд, это была обычная, можно даже сказать, типичная городская свадьба того времени: платье по моде того времени, скромный букетик цветов от жениха, ЗАГС, «банкет» в кафе, никаких конкурсов. Информантка, правда отмечает, что был хлеб-соль: «М.: Да, хлеб-соль было, да. О.О.: Нас встречали. М.: Нам давали кусать. Скоко чего там откусит» [И. Свердловск, 1974], но больше никаких традиционных включений не было. В рассказе появляются тетушки, они приехали на свадьбу (о появлении родственников на свадьбах говорит С. Б. Адоньева в лекции «Свадебные ритуалы и семейные ценности»: родственники «вновь» стали появляться на свадьбах (по материалам фотографий) в 1960–е годы, до этого их не было [Адоньева

2018d]. Это значит, что они не были активными участниками свадьбы. Появившиеся в данном интервью «тетушки», утром свадьбы, совершают удивительную вещь: они «протаскивают» в советскую свадьбу традиционные элементы – по сути, они оплакивают невесту – покойницу, активизируя «архетип», преподносят хлеб-соль). Конечно, определенным толчком тут послужили опавшие лепестки пионов, осыпавшие невесту, но для нас важно то, что этот момент оплакивания, проводов в последний путь «восстанавливается» по матрице обряда.

Заключение

«Про русскую свадьбу можно рассказывать очень долго и очень по-разному» [Адоньева 2015]. Наше исследование было попыткой понять, что происходит с обрядом в условиях глобализации, модернизации и прочих изменений, как наши современники рассказывают о том, что пережили, готовясь к бракосочетанию и участвуя в нем.

Свадебный обряд, как и другие обряды перехода, уникален тем, что в него в той, или иной степени, оказываются включены все и всегда: в главной роли – жених, невеста, во второстепенной роли – родители, братья, сестры, в третьестепенной роли – подруга невесты, друг жениха и пр. Хотя сегодня роль и функция друзей в обряде возросла. В условиях отсутствия родителей (смерть, развод, отдаленность места жительства), на друзей, в частности, на подруг невесты, ложится немалая доля хлопот по подготовке свадьбы подружки, т. е. можно сказать, что дружеские связи конкурируют с родственными.

Свадебный обряд сегодня постепенно утрачивает некоторые смыслы, его этапы могут меняться местами, нарушая изначальную логику обряда: например, молодые сначала решают жениться, потом идут за благословением к родителям (как в текстах 1970–х–1980–х); либо живут вместе до свадьбы какое-то время, но в день бракосочетания «девушка» (а на деле – молодая женщина) ночует в родительском доме и пр. Таких примеров очень много, они свидетельствуют о том, что люди хотят сохранить в обряде нечто традиционное, но зачастую предпочитают форму содержанию.

Однако несмотря на нарушение обрядовой логики, наложение одних традиций на другие, постоянный кросс-культурный обмен, из полевых материалов следует, что свадебный обряд сохраняется вопреки всему. Меняется наполнение обряда, но сам обряд остается, расширяясь или обедняясь в зависимости от социальной и экономической ситуации. Зачастую люди подсознательно воспроизводят классическую, традиционную схему

обряда (пусть в крайне редуцированной форме): выкуп, хлеб-соль и пр., при этом считая, что «ничего традиционного на их свадьбе не было». Исследование обрядовых практик наших современников интересно, актуально и востребовано, так как изучение свадебных нарративов позволяет оценить сохранность обряда, его структуру и увидеть, какой смысл вкладывается современными людьми женившимся/выходящими замуж в те или иные обрядовые действия.

Стоит отметить, что параллельно научному изучению, в интернет-среде развита псевдонаучная культура толкования элементов свадебного обряда. В интернете почти на каждом сайте, посвященном свадьбе, можно встретить множество примет, советов, псевдотрадиций: «Современная свадьба по сути – обряд черной магии. Вред ношения обручальных колец и других украшений» [Любодар 2016]. В статье подробно описывается негативное влияние современного свадебного обряда на дальнейшую жизнь молодых супругов, таинство венчания названо обрядом черной магии, с чем согласны многие авторы комментариев в этом паблике. Есть и бумажные издания, принадлежащие перу профессоров (не филологического факультета), в которых производится «анализ» традиционного обряда, переходящий советы о том, как укрепить брак и «сделать все правильно». Например, книга «Традиции русской народной свадьбы» А. Л. Соколовой (опубликована на сайте ЛитРес в 2015 году – <https://www.litres.ru/alla-sokolova-5989106/tradicii-russkoj-narodnoy-svadby/chitat-onlayn/>). Появление подобных книг, статей, на наш взгляд, лишь подтверждает ценностную нагруженность свадебного обряда сегодня.

О разрушении свадебной обрядности в послереволюционные годы и восстановление в 1950–1960-х подробно пишет J. Rouhier–Willoughby в книге «Village values» [Rouhier–Willoughby 2008, 120]), где она отмечает, что современные молодые люди сталкиваются с определенными сложностями, чувствуя важность события, они не понимают, как именно нужно его

организовать, ведь традиция преемственности обрядов была прервана, сочетание этих факторов и вызвало рост «псевдотрадиций». Люди включают в свой свадебный сценарий все, что они помнят, знают и хотят, находясь в пространстве дискурсивного выбора. Это очень хорошо прослеживается во время анализа контекстов, описанных нами во второй главе.

Подведем итоги: нами были проанализированы рассказы о свадьбе в контексте семейной истории, традиционный контекст обряда. Мы увидели, что история о свадьбе всегда вписана в контекст семейной истории. При позитивном сценарии семейной жизни история рассказывается, семейные ценности транслируются; при негативном сценарии – история исключается из семейной памяти или служит примером-поучением. Проанализировав традиционный контекст обряда, мы пришли к выводу, что современные свадьбы все больше и больше утрачивают народную обрядность, при этом в ней появляются и закрепляются новые традиции и ритуалы, однако рассказчики неизменно соотносят свой опыт с «традициями», как бы они их ни понимали. На наш взгляд, изменения касающиеся обрядовой стороны свадьбы, связаны с процессами десакрализации обряда, глобализации и универсализации обряда в целом.

Проанализировав гипертекстуальное устройство рассказов о свадьбе, мы пришли к выводу, что с одной стороны в рассказ о свадьбе представляет собой «распадающийся» нарратив: в рассказ о свадьбе включается множество небольших, но самоценных и цельных повествований, которые можно анализировать на сверх-текстовом уровне – мы использовали категорию гипертекста. С другой стороны, мы выделили гипертекстовые пучки или мотивы, которые повторяются в текстах и обеспечивают возможность сопоставления рассказов разных информантов.

Наше исследование можно продолжить в нескольких направлениях: во-первых, перспективным представляется изучение эмоционального контекста свадебного обряда. Интерес к этой линии связан с тем, что эмоциональный

фон традиционной свадьбы был закреплён в традиции: первый день «плакательный», второй – радостный. Сегодня мы наблюдаем трансформацию эмоциональной сферы: несмотря на то, что мотив слёз на свадьбе остаётся (это прослеживается в наших текстах), функция слёз меняется. Во-вторых, требует полного описания фиксация элементов свадебной обрядности в фольклорном архиве УрФУ, по истории дореволюционной обрядности и праздникам советского периода была бы востребована база материалов местной периодической печати. В-третьих, происходит активная музеефикация свадебной обрядности советского периода в локальных музеях, где в наполнении «свадебных экспозиций» охотно принимают участие жители, а сами «свадебные залы» пользуются большой популярностью посетителей, — это явление современной культуры тоже ждёт своего исследователя.

Библиография

I. Источники:

1. Автобиографический рассказ. 1976 // Личный архив автора.
2. Автобиографический рассказ. 1996 // Личный архив автора.
3. Автобиографический рассказ. Аркалык, 1992 // Личный архив автора.
Автобиографический рассказ. Балаклея, 1983 // Личный архив автора.
4. Автобиографический рассказ. Бараба, 1993 // Личный архив автора.
5. Автобиографический рассказ. Белорусия, 1955 // Личный архив автора.
6. Автобиографический рассказ. Благодарный, 2009 // Личный архив автора.
7. Автобиографический рассказ. Бобровка, 1970 // Личный архив автора.
8. Автобиографический рассказ. Богданович, 1978 // Личный архив автора.
9. Автобиографический рассказ. Екатеринбург, 2008 // Личный архив автора.
10. Автобиографический рассказ. Екатеринбург, 2012 // Личный архив автора.
11. Автобиографический рассказ. Екатеринбург, 2013 // Личный архив автора.
12. Автобиографический рассказ. Екатеринбург, 2014 // Личный архив автора.
13. Автобиографический рассказ. Екатеринбург, 2015 // Личный архив автора.
14. Автобиографический рассказ. Екатеринбург, 2018 // Личный архив автора.
15. Автобиографический рассказ. Екатеринбург, 2022 // Личный архив автора.
16. Автобиографический рассказ. Ишим, 1999 // Личный архив автора.

- 17.Автобиографический рассказ. Каменск-Уральский, 1964 // Личный архив автора.
- 18.Автобиографический рассказ. Каменск-Уральский, 1975 // Личный архив автора.
- 19.Автобиографический рассказ. Кокшетау, 1973 // Личный архив автора.
- 20.Автобиографический рассказ. Мегион, 2001 // Личный архив автора.
- 21.Автобиографический рассказ. Миасс, 1987 // Личный архив автора.
- 22.Автобиографический рассказ. Митки, 1976 // Личный архив автора.
- 23.Автобиографический рассказ. Нижние Серги, 1964 // Личный архив автора.
- 24.Автобиографический рассказ. Озерск, 1972 // Личный архив автора.
25. Автобиографический рассказ. Омск, 2014 // Личный архив автора.
- 26.Автобиографический рассказ. Свердловск, 1955 // Личный архив автора.
- 27.Автобиографический рассказ. Свердловск, 1958 // Личный архив автора.
- 28.Автобиографический рассказ. Свердловск, 1970 // Личный архив автора.
- 29.Автобиографический рассказ. Свердловск, 1971 // Личный архив автора.
- 30.Автобиографический рассказ. Свердловск, 1977 // Личный архив автора.
- 31.Автобиографический рассказ. Сухой Лог, 2002 // Личный архив автора.
- 32.Автобиографический рассказ. Туринск, 1996 // Личный архив автора.
- 33.Автобиографический рассказ. Югорск, 1995 // Личный архив автора.
- 34.Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Российское Библейское Общество, 2017. – 1296 с.

- 35.Дмитриев А. А. Свадебные обряды и песни Билимбаевского завода Екатеринбургского уезда /Дмитриева А. А. // Записки УОЛЕ. – 1891–1894. – Т. 13. – Вып. 2. – С. 177-195.
- 36.Интервью. Алатырь, 2003 // Личный архив автора.
- 37.Интервью. Екатеринбург, 2008 // Личный архив автора.
- 38.Интервью. Екатеринбург, 2016 // Личный архив автора.
- 39.Интервью. Екатеринбург, 2019 // Личный архив автора.
- 40.Интервью. Екатеринбург, 2021 // Личный архив автора.
- 41.Интервью. Свердловск, 1977 // Личный архив автора.
- 42.Интервью. Ульяновск, 2014 // Личный архив автора.
- 43.Историкогеографическая анкета В. Н. Татищева // Советские архивы. – 1985. – № 5. – С. 38–41.
- 44.Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 120 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – М. : ООО «А ТЕМП», 2017. – 896 с.
- 45.Пушкин А. С. Собрание сочинений в 6 т. / А. С. Пушкин. – М. : Худож. лит., 1936.
- 46.Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. – Санкт-Петербург : Деловая полиграфия, 2004. – 656 с.
- 47.Свадебные обряды у жителей Уфимского уезда, 1850 года // Оренбургские губернские ведомости. – 1850. – № 32, 12 августа. – С. 156–160.
48. Свадебный обряд в Челябинском уезде 1851 года (Из зап. св. Шм-на) // Оренбургские губернские ведомости. – 1851. – № 43, 27 октября. – С. 192–193.
- 49.Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М, 1942. – 1482 с.

50. Уральские песни, сказки и обычаи из сборника И. Я. Стяжкина «Народная литература Камышловского уезда Пермской губернии». Т. 1. – Екатеринбург : Уральское литературное агентство, 2014. – 400 с.
51. Библиотека литературы Древней Руси в 11 т. / РАН, ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко – СПб. : Наука, 1997–2020.
52. Genersichg J. Geschichte der Oesterreichischen Monarchie von ihrem Ursprunge bis zum Ende des Wiener Freedens / J. Genersichg – Bien : B. Db Bauer, 1815. – 364 p.

Электронные ресурсы

53. Полесский архив ИСл РАН. – URL : <https://inslav.ru/publication/baza-dannyh-polesskiy-arhiv-otdela-etnolingvistiki-i-folklor> (дата обращения: 13.02.22).
54. Фольклорный архив БашГУ. – URL : <http://lcph.bashedu.ru> (дата обращения: 13.02.22).
55. Фольклорный архив ННГУ. – URL : <http://www.unn.ru/folklore/finfru.htm> (дата обращения: 13.02.22).
56. Фольклорный архив СпбГУ. – URL : <http://www.folk.ru> (дата обращения: 13.02.22).
57. Фольклорный архив ЯЛИ КарНЦ РАН. – URL : <http://folk.krc.karelia.ru> (дата обращения: 13.02.22).

II. Научно-исследовательская литература:

- III. Аббасова М. О. Семейные обряды лезгин Азербайджана: конец XIX – XX вв : этнографическое изучение северо-восточной зоны Азербайджана : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 / М. О. Аббасова ; Академ. наук азерб. ССР инст. ист. – Баку, 1989. – 175 с.
61. Адоньева С. Б. Дух народа и другие духи. / С. Б. Адоньева. – СПб. : Амфора, 2009. – 287 с.

- 62.Алексеевский М. Д. Фольклористика между текстом и контекстом /М. Д. Алексеевский // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2011. – №9 (71). – С. 42–56.
- 63.Афанасьев А. А. Славянская мифология. / А. А. Афанасьев. – М. : Эксмо, 2018. – 440 с.
- 64.Байбурин А. К. Исследования в области балто-славянской духовной культуры: погребальный обряд. / А. К. Байбурин, Г. А. Левинтон. – М. : Наука, 1990. – 256 с.
- 65.Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. – СПб. : Наука, 1993. – 240 с.
- 66.Бахрушин С. В. Миллер Г. Ф. как историк Сибири / С.В. Бахрушин // Миллер Г.Ф. История Сибири в 2 т. Т. 1. / Г.Ф. Миллер; вступ. статья Е. П. Батьяновой, С. И. Вайнштейн. – 2-е изд., доп. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 607 с.
- 67.Белова А. В. Замужество в провинциальной дворянской культуре конца XVIII–первой половины XIX века / А. В. Белова // Женские и гендерные исследования в тверском государственном университете научно-методический сборник. – Тверь : Компания Фолиум, 2000. – С. 21–31.
- 68.Болдырева В. Г. Русская свадьба Среднего Прикамья: локальные традиции, коды обряда, межэтнические связи : дис. ... канд. искусств. наук : 17.00.02 / В. Г. Болдырева ; Удмурт. гос. ун-т – Казань, 2018. – 276 с.
- 69.Варганова В. Сексуальное в свадебном обряде / В. Варганова // Русский эротический фольклор. / сост. А. Л. Топорков. – М. : Ладомир, 1995. – С. 149–157.
- 70.Геннеп А. Обряды перехода. / А. Геннеп. – М. : Восточная литература, 1998. – 190 с.

- 71.Грессинг З. Максимилиан I / З. Грессинг. – М. : АСТ, 2005. – 318 с.
- 72.Громов. Д. В. Свадебный пленэр / Д. В. Громов // Адреса Петербурга. – 2012. – № 44. – С. 46–51.
- 73.Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика /А. В. Гура. – М. : Индрик, 2012. – 935 с.
- 74.Дианова Т. Б. Текстовое пространство фольклора: методологические заметки к проблеме / Т. Б. Дианова // Актуальные проблемы полевой фольклористики. – 2004. – Вып. 3. – С. 5–18.
- 75.Жирнова Г. В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем / Г. В. Жирнова. – М. : Наука, 1980. – 152 с.
- 76.Жирнова Г. В. О современном городском свадебном обряде / Г. В. Жирнова // Советская этнография. – 1971. – №3. – С. 68–78.
- 77.Жирнова Г. В. Русский городской свадебный обряд конца XIX в. начала XX в. / Г. В. Жирнова // Советская этнография. – 1969. – №1. – С. 48–58.
- 78.Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин. – М. : Наука, 1991. – 511 с.
- 79.Зуева Т. В. Русский фольклор: Учебник для высших учебных заведений / Т. В. Зуев, Б. П. Кирдан. – М. : Флинта: Наука, 2002. – 400 с.
- 80.История философии: Энциклопедия / под общ. ред. А. А. Грицанова. – Минск: Книжный Дом, 2002. – 1376 с.
- 81.Калужникова Т. И. Уральская свадьба / Т. И. Калужникова. – Екатеринбург: Классика, 2014. – 168 с.
- 82.Карпухин И. Е. Свадьба русских Башкортостана как фольклорно-игровой комплекс: Вопросы поэтики и межэтнических взаимодействий : дис. ... док. филологич. наук : 10.01.09 / И. Е. Карпухин ; Мос. гос. откр. пед. ун-т. – Москва, 1998. – 344 с.

- 83.Карташов А. А. Историко-этнографический аспект изучения традиционной свадебной культуры / А. А. Карташов // Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – №2 (048). – С. 150–153.
- 84.Касаткина Т. А. Об онтологии отношений мужчины и женщины в христианстве / Т. А. Касаткина // Новый мир. – 2008. – № 9. – С. 142–153.
- 85.Касимова В. Е. Локусы современного свадебного обряда / В. Е. Касимова // XIV Конгресс антропологов и этнологов России : сб. материалов. Томск, 6–9 июля 2021 г. / отв. ред. И. В. Нам. – Москва ; Томск : Издательство Томского государственного университета, 2021а. – С. 110.
- 86.Касимова В. Е. Дизайн современной свадьбы. От традиционного обряда к love-story / В. Е. Касимова // Трансформация реальности: стратегии и практики: 5-й молодежный конвент УрФУ : материалы международ. конф. 25–27 марта 2021 года. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021b. – С. 714–715.
- 87.Касимова В. Е. Риторика автобиографического рассказа о свадьбах / В. Е. Касимова // Трижды юбилейный... : сб. ст. / Под ред. Н. В. Пращерук. – Екатеринбург : Издательский Дом «Ажур», 2020а. – С. 178–185.
- 88.Касимова В. Е. Свадебное платье: невенчанное или проверенное? / В. Е. Касимова // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения: сборник статей молодых ученых. – Вып. 3. – Екатеринбург : УрФУ, 2020b. – С. 90–93.
- 89.Квале С. Исследовательское интервью / С. Квале. – М. : Смысл, 2003. – 301 с.
- 90.Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича / Г. К. Котошихин. – СПб. : типография. Эдуарда Праца, 1840. – 160 с.

91. Крукович Е. И. Нарративный анализ /Е. И. Крукович // Социология: Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. – Минск : Книжный Дом, 2003. – 1312 с.
92. Купер И. Р. Гипертекст как способ коммуникации / И. Р. Купер // Социологический журнал. – 2000. – №1–2 – С. 37–59.
93. Лактюхина Е. Г., «Война невест»: между потреблением и переживанием / Е. Г. Лактюхина, Г. В. Антонов // Logos et Praxis. – 2015. – №4. – С. 81–88.
94. Липовецкая И. Р. Своеобразие русской уральской свадьбы конца XIX начала XX века. / И. Р. Липовецкая // Фольклор Урала. – 1982. – № 6. – С. 130–140.
95. Лотман М. Ю. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / М. Ю. Лотман – СПб. : Искусство, 1994. – 758 с.
96. Луканина М. В. Нарративное манипулирование / М. В. Луканина, Л. К. Салиева // Государственное управление. – 2014. – № 46. – С. 210–225.
97. Матлин М. Г. Смех в русской народной свадьбе XIX – начала XXI вв.: типологический и функциональный аспекты : дис. ... док. филологич. наук : 10.01.09 / М. Г. Матлин ; Ульян. гос. пед. ун-т. им. И. Н. Ульянова – Ульяновск, 2019. – 411 с.
98. Мейендорф И. Брак в православии / И. Мейендорф – Клин: Христианская жизнь, 2004. – 93 с.
99. Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов / Г. Ф. Миллер; Изд. А.Х. Элерт, В. Хинтцше; Пер. с нем. А.Х. Элерт. – М.: Памятники исторической мысли, 2009. – 456 с.
100. Моисеева С. А. Традиционный обрядовый фольклор русских горнозаводских сел Башкирии : дис. ... канд. филолог. наук : 10.01.09 /

- С. А. Моисеева ; Магнитогорск. гос. ун-т. – Магнитогорск, 2006. – 211 с.
101. Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы. Учебное пособие / Н.А. Николина. – М. : Флинта, 2002. – 424 с.
102. Новикова И. А. Роль Василия Никитича Татищева в изучении Урала в 1720-е – 1730-е гг. / И. А. Новикова // Восьмые (VIII) Псковские Международные краеведческие чтения. Материалы Международной научно-практической конференции (Псков, 12–14 октября 2018 г.). Т. II. Памяти Александра Ивановича Слинчака. – Псков: Псковский государственный университет, 2018. – С. 107–111.
103. Нуркова В.В. Забывание: Проблема наличия следа памяти, его доступности и намеренного контроля. Часть 2. / В. В. Нуркова, А. А. Гофман // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 4 (24). – С. 3–13.
104. Окунева Т. В. Удмуртская свадьба как текст : дис. ... канд. филологич. наук : 10.01.09 / Т. В. Окунева ; Удмурт. инст. ист. яз. и лит. – Ижевск, 2012. – 233 с.
105. Павлова А. А. Концептосфера внутрисемейных родословных : дис. ... канд. филологич. наук : 10.02.01 / А. А. Павлова ; Белг. гос. нац. исслед. ун-т. – Белгород, 2004. – 211 с.
106. Разумова И. А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История / И. А. Разумова. – М. : Индрик, 2001. – 376 с.
107. Розенталь Г. Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью / Г. Розенталь // Хрестоматия по устной истории / пер., сост., введение, общ. ред. М. В. Лоскутовой. – СПб. : Изд-во ЕУСПб, 2003. – С. 322–356.
108. Руднев В. А. Обряды народные и обряды церковные / В. А. Руднев – Л.: Лениздат, 1982. – 159 с.

109. Руднев В. П. Структурная поэтика и мотивный анализ / В. П. Руднев // Даугава. – 1990. – № 1 – С. 101–126.
110. Ситченко А. Л. Методика преподавания литературы: учебно-методическое пособие / А. Л. Ситченко, В. В. Гладышев. – М. : ФЛИНТА, 2014. – 158 с.
111. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1995–2012.
112. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. – М. : Просвещение, 1974. – 509 с.
113. Степанова В. С. Генезис понятия «Устная история» / В. С. Степанова // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. – 2012. – №4. – С. 391–395.
114. Сумцов Н. Ф. Символика славянских обрядов. / Н. Ф. Сумцов. – М.: Восточная литература, 1996. – 296 с.
115. Сухих И. «Новая проза» Варлама Шаламова: теория и практика. Несколько положений / И. Сухих // Варлам Шаламов в контексте мировой литературы и советской истории: сборник трудов международной научной конференции, Москва – Вологда, 16–19 июня 2011 года / ред. сост. С. М. Соловьев. – М. : Литера, 2013. – С. 222–227.
116. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. / Б. В. Томашевский. – М. – Л. : Госиздат, 1928. – 334 с.
117. Топорков А. Л. Миф и славянская мифология в творческом наследии А. Н. Афанасьева /А. Л. Топорков // Теория мифа в русской филологической науке XIX века. – М: Индрик, 1997. – С. 151–235.
118. Торсуева И. Г. Контекст / И. Г. Торсуева // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : СЭ, 1990. – С. 238–239
119. Троицкий С. В. Христианская философия брака / С. В. Троицкий. – М. : ФИВ, 2015. – 304 с.

120. Трубина Е. Г. Нарратология: основы, проблемы, перспективы: материалы к специальному курсу. / Е. Г. Трубина. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2002. – 169 с.
121. Федорова В. П. Трансформация традиций русской свадьбы в современной свадебной обрядности. Современный русский фольклор промышленного региона. / В. П. Федорова // Фольклор Урала. – 1989. – №10. – С. 77–88.
122. Фермойлен Х. Ф. Герард Фридрих Миллер (1705-1783) и становление этнографии в Сибири / Х. Ф. Фермойлен // Проблемы истории России. – 2008. – Вып. 7. – С. 177–198.
123. Хохлачева М. В. Свадебная музыкально-этнографическая традиция северных районов саратовского Поволжья : дис. ... канд. искусств. наук : 17.00.02 / М. В. Хохлачева ; Саратов. гос. конс. им. Л. В. Собинова – Саратов, 2014. – 419 с.
124. Чилингир Е. Ю. Гипертекст в литературе, журналистике и пиаре: социокультурный аспект / Е. Ю. Чилингир // Вестник славянских культур. – 2011. – №19. – С. 15–22.
125. Чунтыжева Т. Я. Свадебно-обрядовая культура причерноморских адыгов в структуре народной педагогики и ее значение для современной образовательной практики : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Т. Я. Чунтыжева ; Адыг. гос. ун-т. – Майкоп, 1999. – 188 с.
126. Шахнович М. И. Мифы о сотворении мира. / М. И. Шахнович. – М. : Знание , 1968. – 345 с.
127. Шумов К. Э. Мир больницы: Культурные стереотипы /К. Э. Шумов // Современный городской фольклор / Ред. А. Ф. Белоусов, И. С. Веселова, С. Ю. Неклюдов. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2003. – 736 с.

128. Carter J. Wedding Paradoxes: Individualized Conformity And The "Perfect Day" / J. Carter, S. Duncan // The Sociological Review. – 2017. – №65 (1). – P. 3–20.
129. Rouhier–Willoughby J. Village Values: Negotiating Identity, Gender, and Resistance in Contemporary Russian Life – Cycle Rituals. – Bloomington : Slavica Publishers, 2008. – 320 p.

Электронные ресурсы

130. Адоньева С. Б. Брак и свадьбы в дореволюционной России / С. Б. Адоньева // YouTube. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=mLpOu2iofwY> (дата обращения: 1.05.2019).
131. Адоньева С. Б. Мистерия крестьянской свадьбы / С. Б. Адоньева // YouTube. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=1utGyRWklMQ> (дата обращения: 5.05.2019).
132. Адоньева С. Б. Русская свадьба: социальный проект и новые ценности / С. Б. Адоньева // YouTube. – Режим доступа: <https://youtu.be/K7MLv-jWmiY> (дата обращения: 20.03.2017).
133. Адоньева С. Б. Свадебные ритуалы и семейные ценности / С. Б. Адоньева // YouTube. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=xHw0hDNtVzs> (дата обращения: 1.05.2019).
134. Адоньева С. Б. Советская свадьба: проект, миф и современный извод / С. Б. Адоньева // YouTube. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=j7FGW2PaiwA> (дата обращения: 1.05.2019).
135. Громов Д. В. Свадебная обрядность / Д. В. Громов // Пост Наука. – Режим доступа: <https://postnauka.ru/video/1899> (дата обращения: 1.05.2021).

136. Дранникова Н. В. Доклад Натальи Дранниковой о воспоминаниях потомков спецпереселенцев в повествовательной традиции Архангельской области / Н. В. Дранникова // Европейский университет в Санкт-Петербурге. – Режим доступа: <https://eusp.org/news/doklad-natali-drannikovoy-o-vozpominaniyakh-potomkov-specpereselencev-v-povestvovatelnoy-tradicii-arkhangelskoy-oblasti> (дата обращения: 5.05.2022).
137. Иванова А. А. Гипертекстовые системы как феномен локальной фольклорной традиции / А. А. Иванова // Электронная библиотека. – Режим доступа: <https://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2003/8.html> (дата обращения – 27.03.2022).
138. Ильюнина Л. Кто такие старцы? / Л. Ильюнина // Азбука веры. – Режим доступа: <https://azbyka.ru/kto-takie-starcy> (дата обращения: 20.05.2021).
139. Ирза Н. Д. Хронотоп / Н. Д. Ирза // Академик. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/ХРОНОТОП (дата обращения 28.05.2021).
140. Касимова В. Е. Хронотоп современного свадебного обряда / В. Е. Касимова // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения. – Вып. 4. – Екатеринбург, 2021. – С. 43–45. Режим доступа: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/100303> (дата обращения: 12.05.2022)
141. Любодар. Современная свадьба по сути – обряд черной магии. Вред ношения обручальных колец и других украшений / Любодар // Любодар.info. – Режим доступа: <https://lubodar.info/sovremennaya-svadba-obryad-chnoj-magii/> (дата обращения 28.05.2021).
142. Салиева Л. К. Нарративный анализ. История и современность. Сферы приложения / Л. К. Салиева // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество) под.

ред. В. А. Никонова. – 2012. – №3. – С. 116–128. – Режим доступа:
<https://rucont.ru/efd/478515> (дата обращения: 25.03.2022).

143. Свешников В. Благословение духовника. / В. Свешников, М. Свешникова // Православие и мир. – Режим доступа:
<https://www.pravmir.ru/blagoslovenie-duhovnika/> (дата обращения:
25.05.2021).

Приложение №1 Опросник

1. Информация об информанте:
 - a. Коротко расскажите о себе: сколько вам сейчас лет?
 - b. Откуда Вы родом, где и когда учились, где живете сейчас?
 - c. Откуда родом Ваши родители, сколько им лет (с какого они года), кто они по специальности /кем они работают (работали)?
 - d. Есть ли у Вас братья или сестры?
 - e. Откуда родом Ваш супруг, его возраст, образование – сейчас и на момент свадьбы)?
2. Общая информация о свадьбе:
 - a. Когда была свадьба?
 - b. Сколько лет было Вам, супругу, родителям?
 - c. Где проходила свадьба?
 - d. Была ли она первой /второй и др.?
3. Отношения и предложение:
 - a. Расскажите коротко о Ваших отношениях: сколько Вы были знакомы? Кто и как делал предложение?
 - b. Как возникло решение пожениться?
 - c. Что стало «спусковым крючком» для решения сыграть свадьбу? (если на тот момент уже жили вместе).
4. Мотивация и подготовка и подготовка к свадьбе:
 - a. Расскажите, как была выбрана дата свадьбы?
 - b. От чего это зависело?
 - c. Сколько времени заняла подготовка?
 - d. Из чего она состояла?
 - e. Кто за что в ней отвечал?
 - f. Каковы были договоренности о расходах (относительно жениха и невесты / семей жениха и невесты)?

- g. Были ли включены в подготовку друзья? Бабушки-дедушки? Принимали ли родители участие в подготовке свадьбы? Какую роль они выполняли?
- h. Были ли они активными участниками или просто гостями?
- i. Какой был формат свадьбы: «Банкет», «гулянье на природе», «посиделки за столом», «только близкие», «вообще ничего этого не надо»? Почему был выбран тот или иной формат?
- j. Быстро ли была достигнута договоренность между женихом и невестой?
- k. Какие были спорные вопросы относительно организации свадьбы? Как они были решены?
- l. Кто, с Вашей точки зрения, проявлял инициативу? Уступчивость? Щедрость? Экономность? др.
- m. Что и кому хотелось сделать особенным на свадьбе?
- n. Что запомнилось в результате?
- o. Что бы Вы сейчас при подготовке сделали бы по-другому?
- p. Что бы Вы посоветовали самому себе – в то время и в той ситуации?

5. Свадебное планирование:

- a. Как Вы планировали свадьбу? И планировали вообще?
- b. Сроки, траты, количество гостей? Совпала ли реальность с ожиданиями и насколько?
- c. Что «подвело»?
- d. Где была импровизация?
- e. Были ли смешные случаи или недоразумения?
- f. Роли в организации свадьбы: родители, жених, невеста, подруги? Кто чем занимался?
- g. Обращались ли Вы в агентство, если да, то зачем? «Свадьба под ключ», консультация?

- h. Читали ли Вы журналы, сайты? Откуда брали идеи? Или все делали сами?

6. Этапы свадьбы:

- a. Расскажите подробнее об этапах свадьбы?
- b. Предложение?
- c. Как сообщали родителям о своем решении?
- d. Девичник/мальчишник?
- e. Утро невесты, проводы в ЗАГС, выкуп, свадебный кортеж, поездка по городу/ на фотосессию, каравай, «мусор», кража невесты, невеста на руках у жениха, «осыпание зерном/рисом/мелочью» и др.?
- f. Было ли венчание?
- g. Сколько дней играли свадьбу? Если было два дня, то что было на второй день?
- h. Были ли гости / родственники, которые обязательно хотели увидеть определенный «пункт программы»?
- i. Посещали ли Вы достопримечательности, если да, то какие и почему? Вы ездили вдвоем, малой группой, все вместе?

7. Свадебные украшения, одежда и мелочи:

- a. Как вы выбирали стиль / оформление свадьбы, ее цвет?
- b. Вы можете объяснить свой выбор: это ваши пристрастия или мода того времени? Или настроение? Или результат компромисса между женихом и невестой?
- c. Как Вы думаете, было ли что-то из серии «у всех так, и у меня так будет» или «теперь так модно, и я так хочу» и подобных – на Вашей свадьбе?
- d. Какова роль нарядов на свадьбе? Платье невесты и костюм жениха? Слышали ли Вы какие-нибудь приметы /поверья,

связанные с ними? Хранят ли у Вас в семье женщины свои свадебные наряды?

- e. Были ли платье «на второй день», «на девичник»?
- f. Что было важно? Фата, цветы, диадема? Как выбирали и делали прическу?
- g. Что сказал жених и гости о Вашем наряде?
- h. Одежда гостей: родственников и друзей. Были ли это оговорено и как?
- i. Свадебная фотосессия: да или нет? Каков ее формат? Фото в процессе или отдельное мероприятие?

8. Традиции:

- a. Важно ли было Вам соблюсти какие-то традиции в свадебной церемонии?
- b. Как Вы понимаете выражение «народная свадьба», а «традиционная свадьба»? Были у вас на свадьбе такие элементы?
- c. Знаете ли Вы приметы, связанные со свадьбой или с вещами в ней (хлеб-соль, рушник)?
- d. Озвучивали ли их друзья или родственники в процессе подготовки к свадьбе или во время самого торжества?
- e. Есть ли в Вашей семье рассказы, связанные с приметами на свадьбах родных? У кого из родных запомнилось что-то на всю жизнь и потом многократно рассказывалось?
- f. Было ли что-то, что Вам не нравилось /смущало в свадебном обряде и Вы хотели это изменить /отменить на своей свадьбе?

9. Деньги и подарки на свадьбе:

- a. Был ли у Вас «лист подарков»/пожеланий для друзей и гостей или подарки выбирались самими гостями?
- b. Были ли денежные конкурсы (выкуп, продажа чего-то)?

10. Делали ли молодожены какие-то ответные подарки?

11. После свадьбы:

- a. Какие у Вас сейчас воспоминания о свадьбе?
- b. Все ли удалось?
- c. Отмечаете ли Вы годовщины свадьбы (и какие еще семейные даты)?
- d. Как изменилась Ваша жизнь после свадьбы?
- e. Как Вы думаете, изменилась ли жизнь Ваших знакомых /подруг после их свадеб?
- f. Есть ли разница с теми, кто свадьбу не справлял?
- g. Как бы Вы сформулировали для себя главный/ые итог/итоги собственной свадьбы?